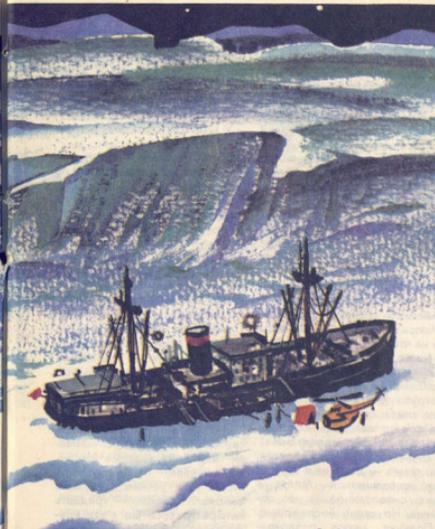

КОСТЁР

3
МАРТ 1974

КОСТЕР

3
МАРТ
1974

БУДНИ ЛЕДОВОГО ДРЕЙФА

Л. Семенов-Спаский

Рисунки А. Аземши

Летом 1973 года газеты и радио всего мира передавали тревожные сообщения о дрейфе в Антарктике советского дизель-электромотора «Оби». Десять лет назад этот знаменитый корабль помогал исследовать ледовой материк. Научные работники, оборудование, топливо, складные домики, продукты шли на судне в Антарктику. Исследователи были сплочены: придет «Оби», сминет людей, доставит тепло и пищу. Но летом прошлого года «Оби» попал в ледовой плен.

Судовым врачом и одновременно корреспондентом «Костер» на корабле плывал писатель Леонид Григорьевич Семенов-Спаский. Раньше он несколько лет работал врачом на Севере и на Дальнем Востоке, плывал на судах в Арктику. На «Оби» его тоже хорошо знали — он уже уходил с кораблем до этого в один рейс.

События каждого дня жизни на корабле писатель заносил в свой дневник. Мы печатаем отрывки из его дневника, которые рассказывают о трудном и опасном дрейфе судна.

20 апреля 1973 года. Ледовая обстановка тяжелая. Круглые сутки морской отряд рвет лед. Иногда за день судно про-

двигается ровно на длину своего корпуса — на 130 метров. В этом году Антарктида приготовила для нас много

подлых сюрпризов. Но людей со станции «Ленинградская» надежда, что погода разгуляется, все-таки была. В полдень с «Ленинградской» передали: у них ураганный ветер, теперь ураган дошел и до нас. Мне говорили, что однажды в Ленинграде не пошли трамваи — тогда был ветер двадцать четыре метра в секунду. А у нас сейчас — тридцать метров в секунду. И такой ветер для нас не редкость.

23 апреля, 73. Вечером около полуночи, наконец, вышли на по льду, но не на большую, а на маленькую, которая соединяется с большой. Увидели с мостика подходящее для взлетной полосы поле. Подошли. Измерили толщину льда — самолет выдержит.

С утра было пасмурно, шел снег, но надежда, что погода разгуляется, все-таки была. В полдень с «Ленинградской» передали: у них ураганный ветер, теперь ураган дошел и до нас. Мне говорили, что однажды в Ленинграде не пошли трамваи — тогда был ветер двадцать четыре метра в секунду. А у нас сейчас — тридцать метров в секунду. И такой ветер для нас не редкость.

24 апреля. Постоянно моло-

тит винт, поддерживая майну за кормой.

Вчера вечером и ночью было сильное сжатие. Судно то и дело вздрагивало под ударами льдин, словно что-то подталкивало его. Ветер выгребил всю площадку, облобовавшую для взлетной полосы.

А людей с «Ленинградской» надо забрать обязательно.

«Наварина» сегодня закончил выгрузку на «Новолазаревской». «Зубов» прошел Ла-Манш, скоро будет дома.

25 апреля. Ветер уже слабее — 20 метров в секунду. Завтра будем пытаться вытащить судно из заклинивания, в которое попали во время урагана. Мы находимся в таком месте, что нам необходимо двигаться на восток, чтобы вырваться из мешка.

Все судно густо завалено снегом. На палубах — высокие сугробы. «АН-2» плотно залепил снег.

А телеграммы мне все нет... «Зубов» идет проливом. Завтра он будет в Балтийском море. Хотим дать поздравительную телеграмму.

26 апреля. Сегодня получил две телеграммы сразу и на душе праздник.

27 апреля. Сегодня было общесудовое собрание. Почему-то западала в память фраза капитана: «Возможно, нам предстоит колоссальные испытания». Что он имеет в виду?

При выгрузке «Наварина» на «Новолазаревской» погиб моторист Валерий Карлов. Это двадцать вторая жертва в Антарктиде. Карлов несколько лет плывал на мотористом на «Оби». Зимвал как дизелист на «Новолазаревской».

У всех на душе тоскливо после этого сообщения. Мы стоим, плотно заклинившись. За кормой — крошечная майна. Цель — вытаскивать винт, тянуть, пытаться расширить ее.

28 апреля. Снова ураган. Ветер свыше 30 метров в секунду. На палубе стоять невозможно — ветер сразу сбивает с ног. Можно передавать газетные развлекательные материалы, как на четвереньках.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
РЕСПУБЛИКАНСКАЯ
ДОСЛУШАТЕЛЬСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
РСФСР

29 апреля. Мы сидим плотно. Морской отряд рвал лед, но безрезультатно. Неужели зимовка?

Вчера вечером получил распоряжение от капитана подготовить аварийную походную аптеку и рассчитать аварийный запас продуктов на десять дней. Капитан считает, что если нас раздавит льдами и придется покинуть судно, то до «Ленинградской» мы дойдем за десять дней.

Ни одно судно еще не зимовало здесь, и неизвестно, как ведут себя дрейфующие льды, какова сила сжатия. «Обь» рассчитана на сжатие, но только на сжатие в Арктике.

Дублер капитана сидит сейчас в своей каюте и составляет расписание по аварийному оставлению судна. А я сегодня целый день занимался рационом. Вот что я предлагаю как аварийный пищевой комплект на 10 дней: сахар — полтора килограмма, шоколад — килограмм, сгущенное молоко — 2 килограмма, сухари — полтора килограмма, галеты — 2 килограмма, свиная тушенка — полтора килограмма, говяжья тушенка — два с половиной килограмма. На день получается 4200 калорий, а весь полный комплект весит около двенадцати килограммов.

Завтра займусь походной аптекой.

«Наварин» медленно идет в Австралию. Медленно, так как бривается сквозь ураган.

30 апреля. Последний день апреля. У меня на Родине большой праздник и весна.

Всю ночь свистит ветер, да так, что за его воем не слышно шума всех четырех дизелей.

Утром заклинило руль. В нулевом положении, и это не худший вариант, меньше шансов сломать его. Говорят, что под килем набило льда метров на двенадцать.

Сейчас надо пересилить себя и заняться делом, да так, чтобы не оставалось ни минуты на посторонние мысли. Хорошо, что у меня, кроме моих больных, есть еще кружок английского языка. Ребята занимаются старательно, несмотря ни на что.

1 мая. Все еще идет сжатие. Майну за кормой совсем закрыло — ни сантиметра воды. Вокруг судна наворотило ледяные глыбы.

Получил сегодня несколько поздравительных телеграмм.

2 мая. Мороз — 30 градусов. Мы стоим — даже не в состоянии шевельнуться. Милых в двух с половиной от нас полынью. Но судно беспомощно.

Получил много поздравительных телеграмм.

3 мая. По-прежнему мороз. До станции «Ленинградской» двести километров. Но людей

необходимо вывезти. Нашли по левому борту площадку для взлетной полосы. Завтра аврал по расчистке торосов. Торосы высотой в три метра. До площадки надо сделать еще и дорогу длиной метров в триста.

У «Наварина» скорость сейчас приличная.

4 мая. Холодно — 32 градуса. С утра работали кирками на льду, строили взлетную полосу. Готовим к выгрузке на лед самолет. На судне все говорят о возможной зимовке, но воспринимают ее спокойно.

Вертолетчики весь день чинили вертолет. При морозе в 32 градуса, бешеном ветре не так-то легко им работать голыми руками.

5 мая. За сутки нас отнесло строго на север на тринадцать миль. Великолепно! Не менялся бы ветер — и несло бы нас с такой скоростью.

Взлетную полосу построили. Пробили в торосах дорогу для самолета. Весь день при свете прожекторов раскалывали кирками ледяные глыбы, разравнивали площадку. Завтра с утра начнем выгружать самолет. Холодно — тридцать четыре градуса. Но я все время работал физически и мороза не чувствовал. Я заточил свою кирку на конус, поэтому лед колосил хорошо.

У меня появилась уверенность, что все с нами будет хорошо и скоро мы отсюда выберемся.

6 мая. Самолет улетел на «Ленинградскую».

7 мая. Самолет из «Ленинградской» привез девять человек. Наконец-то! Вторым рейсом он доставил взрывчатку. «Наварин» ходко бежит в Австралию. У них тяжелый больной. Вчера говорил с их доктором — давал свои рекомендации.

10 мая. За три дня вывезли весь народ со станции — все на борту. Это главное.

Появились две трещины по носу — в 50 и 100 метрах. Завтра, погрузив самолет, попробуем шевельнуться.

Дизель-электроход «Обь» в ледовом плену

11 мая. Сидим очень плотно. Вмерзли в лед. Самостоятельно нам никак не выбраться. А «Наварин» к нам близко подойти не сможет.

14 мая. Несколько суток с утра до вечера проводили взрывные работы, окальвали судно. Бесполезно. Под килем слишком много льда. А ведь нас ждут люди на других станциях. Около ста экспедиционников. Мы должны были их забрать.

17 мая. Из Ленинграда на помощь нам выходит «Зубов». Он заберет людей с Мирного, тех, которых должна была взять «Обь». Создана координационная комиссия. Главным координатором — Трешников. Он на «Зубов». Из Австралии, заправившись, идет «Наварин».

Но ни «Зубов», ни «Наварин» близко к нам не подойдут. Не пустят их льдины. К нам пробился бы сверхмощный ледокол, да и то неизвестно — пробился бы. А «Наварин» — судно грузовое, не приспособленное для перевозки людей. В трюмах людей не положишь. Поэтому решено, что мы переедем по воздуху на «Наварин» всех экспедиционников и часть команды с нашего судна. А «Наварин», забрав их, пойдет навстречу «Зубову», чтобы передать людей на его борт.

4 июня. Такой страшной ночи еще не было. Снова налетел ураган — сорок метров в секунду. Началась сильная подвижка льда. Торосы росли до фальшборта и выше. На судне объявили готовность номер один. Были готовы сани-волокуши, палатки, мешки с продуктами. Люди до утра сидели в меховых костюмах и ждали... Всю ночь продолжался страшный, долгий скрежет льда по переборкам. Судно содрогалось. И все-таки оно выдержало. Не зря мы наваривали дополнительные швеллеры для укрепления бортов. Сейчас наше судно выжато из льда, полужелит, борта его помяты, но оно — выдержало.

«Наварин» уже пришел из Австралии, подошел к кромке

льда и ищет взлетную полосу, чтобы начать операцию «воздушный мост».

5 июня. До Полярного круга нам всего 14 минут — 14 миль.

Операция «воздушный мост» затягивается. «Наварин» продолжает искать подходящую для взлетной полосы льдину. Ветер у них 30 метров в секунду. Расстояние между нами всего 269 километров.

Ребята-экспедиционники укладывают вещи, им разрешено взять на «Наварин» только самое необходимое. Сокращаем часть команды. Многие ветераны «Оби» возмущаются, когда им предлагают уехать.

Старший моторист Рогов, он отплавал на «Оби» семнадцать лет, так ответил, когда главный механик предложил перейти ему на «Наварин»:

— За кого вы меня принимаете? За крысу с партийным билетом? Я это судно ненавижу, я с ним и останусь.

«Зубов» уже проходит траверз острова Святой Елены. Тепло там, хорошо.

9 июня. У всех радость — «Обь» вышла на Полярный круг. За сутки мы продрейфовали одиннадцать миль на север. Ночь звездная и морозная.

Завтра начнутся полеты. «Наварин» подготовил две площадки.

10 июня. Сделаны два вертолетных рейса, и сразу на душе стало легче. Увезли всех наших женщин. Пришла телеграмма из Москвы. Просят называть отличившихся матросов и экспедиционников для премии.

11 июня. Очень уж стало пустынно на судне. С утра улетила большая часть экспедиционников с «Ленинградской».

Капитана смущает, что нас снова несет по мелководью, а значит — новые сжатия, айсберги, стоящие на грунте. Если прижмет к такому айсбергу, то раздавит мгновенно.

Вчера был растроган посылкой с «Наварина». Они прислали гостинцев полный портфель и теплое письмо.

Теперь мы все делаем сами — убираем, готовим еду.

12 июня. «Зубов» уже обогнул мыс Доброй Надежды. Опять сегодня я не делал зарядку...

13 июня. На судне идет великая уборка, банный день и подстрижка. Стригутся все наголо. Подстригусь, пожалуй, и я.

У борта на льду вертолет. Вчера он еле добрался до нас. Задул сильный ветер, метель, а у него отказал один из двигателей. Вертолет стал падать. Пришлось выбросить груз — полторы тонны с «Наварина». Но вертолет снова стал снижаться. Пришлось слить топливо — около тонны. И с трудом они дотянули до «Оби».

Получил долгожданную телеграмму от жены.

Наши на «Наварине» устроились великолепно. Ходят в костюмах и при галстуках.

14 июня. Позавчера в «Последних известиях» говорили о нашем положении. Напечатаны статьи в «Правде», «Известиях», во многих газетах.

Все страшное осталось позади — люди вывезены на «Наварин». Дрейф стабилизировался в нужном направлении, отменили, где могло нас раздвинуть, приказав к айсбергам, мы прошли. На судне стало спокойно. Люди верят, что очень скоро мы выйдем из льдов.

Все на судне постоянно интересуются ветром. Нас несет ветер, поэтому есть ветер хороший, а есть плохой. Самый хороший — юго-западный.

15 июня. С утра рубили снежные заступы на взлетном поле. Летчики делают последние рейсы на «Наварин».

19 июня. Наше взлетное поле взломано. Вместо него — огромное раздвие. Айсберги уплыли, один маячит прямо по курсу.

21 июня. «Наварин» пошел на сближение с «Зубовым». Через несколько дней произойдет их рандеву.

Мороз — тридцать градусов. Все раздвие покрылось двадцатисантиметровым льдом.

Пробили лунку, и сразу в нее просунулась нерпичья морда.

Морской отряд ведет интенсивные исследовательские работы. Ведь в наших местах не был еще ни один ученый. Замеряется скорость течений, температуры. Пытаются пробить лунки в толстом льду рядом с кораблем. Рвут лед мелкими зарядами, но пока до воды никак не пробьются.

Сегодня в Антарктиде большой праздник — середина зимовки. Получили много телеграмм, даже от президента США.

25 июня. Вчера гидрологи опускали приборы и вытаскивали несколько медуз. Медузы сразу замерзли. За сутки мы продрейфовали на северо-запад одиннадцать миль.

26 июня. Разводье вновь расширилось, и приплыли киты. Лежат в воде у края льда без движения и дышат. Одному из гидрологов даже удалось погладить кита по спине. Такое поглаживание запрещено всеми инструкциями, и он хранит его в тайне от начальства.

Сегодня девятнадцатая годовщина со дня поднятия флага на «Оби». Через час товарищеский ужин.

28 июня. Мои ученики сделали грандиозные успехи в английском. Я с ними уже запросто разговариваю по-английски на самые разные темы.

30 июня. За трое суток нас отнесло на двадцать две мили к востоку и на одну милю отбросило на юг. Таким поворотом дрейфа капитан здорово обеспокоен. Он приказал морскому отряду снова рвать нашу льдину.

1 июля. С утра настоящая оттепель — ноль градусов. Снег на палубе растаял. Кругом туман. Получил несколько телеграмм из дому.

Недалеко от судна появилась трещина. В ней весь день играют два тюленя.

3 июля. Взорвали сегодня 25 килограммов взрывчатки по

носу — безрезультатно. Сделали несколько взрывов по корме для того, чтобы ослабить напряжение льда.

6 июля. К борту подошли два пингвина. Долго смотрели на нас. Сегодня была передача из Москвы специально для нас. Диктор сказал, что об «Оби» ежедневно сообщают по радио и телевидению. Все эти дни мы получаем много телеграмм от родных, школьников, знакомых и незнакомых людей.

10 июля. Наши сегодня прилетели в Москву.

У нас тоже праздник — банальный день. Все чистые, красивые и счастливые.

16 июля. Выпущен юбилейный, двухсотый номер нашей радиогазеты.

«Обь» выперло на лед выше ватерлинии метра на полтора. Вырубаем у кормы глыбы льда и складываем их в снеготаялку. Лед пресный.

18 июля. Капитан хочет снова попытаться разрушить льдину. За последнюю неделю мы прошли в дрейфе 64 мили.

Очень хорошо занимаются мои англичане. Час у нас проходит моментально.

19 июля. К борту подошел одинокий и грустный императорский пингвин. В это время года, в разгар зимы, пингвины обычно живут только около большой воды, отсюда же все живое уходит. Но наш пингвин вел себя забавно. Он ходил около гидрологов, у палатки на льду, следил за их работой. Улегся спать у самого судна. Проснулся и снова следил за работой.

Где-то близко вода. Много буревестников. В бинокль я даже рассмотрел дымчатого альбатроса. Непонятно, как он залетел так далеко.

21 июля. За этот месяц гидрологи сделали уже шестую станцию для исследовательских работ.

22 июля. Мы ВЫШЛИ ИЗ ДРЕЙФА.

Ночью под кормой образовалась трещина толщиной с волос. Капитан и гидрологи проследили эту трещину метров на триста. Она вела к разводью, кое-где исчезала, вновь появлялась. Трещин и раньше образовывалось много, то по корме, то по носу. Мы уже устали в них верить. Но эта трещина — дышала. Когда я нагнулся к ней, расчистив снег, то услышал глухой шум, вздохи. Шум возникал через равные промежутки времени. Тогда я еще не знал, что через несколько часов мы будем свободны.

В десять утра судно слегка качнуло. Затем наша «Обь» резко накренилась влево. Те, кто был в каютах, полетели на пол, на диваны. А через минуту и справа и слева от судна была вода.

В это время у палатки на льду было несколько человек.

Люди на палубе кричали, смеялись, приплясывая. Из-под борта с всплеском всплывали рыжие, ржавые, выгнутые по корпусу льдины. Дали ход. И судно двинулось. Развернувшись, мы подошли к льдине с людьми и подняли их на борт. Подняли палатки, лебедки, разное оборудование и в тринадцать часов двинулись по разводью.

Сейчас ночь. Капитан решил не дожидаться светлого времени, чтобы уйти как можно дальше. Он уже часов десять не спускается с мостика.

Когда нас утром начало разводить, радист работал с Московской. Он прервал связь и выскочил из рубки, передав в Москву: «Нашу льдину ломает».

Сегодня утром были девяносто первые сутки нашего дрейфа и двести двадцать девятый день рейса.

23 июля. Идем, ни на секунду не останавливаясь. Капитан уже не спал двое суток.

Начали поступать поздравительные телеграммы со станций, с судов и от многих людей.

пурга

Игорь Ефимов

над

„карточным

домиком“

Рисунки
В. Топкова

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

7

— Я слышал, что бывают еще такие темные бабки — пугают маленьких детей милиционером. — Капитан встал от стола и пошел навстречу вошедшим. — И если ребенок впечатлительный, такой испуг может остаться у него на всю жизнь.

— Нет, меня не пугали, — сказала Этери. — Да и бабку свою я почти не помню. Но я подумала: раз милиция, да еще так поздно — не случилось ли чего?

— Кроме пурги, ничего существенного. — Капитан взял ее за рукав шубки и мягко потянул к столу, делая остальным знаки, чтоб не вмешивались. — Просто нам очень нужна одна консультация, а с «Карточным домиком» связи по-прежнему нет. Может, вы нам можете? Дело такое срочное, что мы решились разбудить вас посреди ночи.

— Я не спала, — сказала Этери, присаживаясь на краешек стула, придвинутого директором.

Остальные тоже уселись на прежние места. — Андрей Львович сказал мне, что вы работаете в «Карточном домике» вместе с доктором Сильвестровым. Над этой машинной памяти... или антипамяти — как ее?..

— «Мнемозина».

— Вот-вот. Расскажите нам о ней поподробней.

— Но что же я могу рассказать? — Она снова окинула всех тревожным взглядом. — Ведь мне поручена только техническая часть — монтаж схем, наладка, настройка. Я кончала ра-

Продолжение. См. «Костер» №№ 1—2, 1974 г.

диотехнический факультет. Физиология мозга, биоэлектроника — в этом я почти не смыслю.

— Я — тем более. Расскажите просто, как проходили опыты, с чего вы начинали, на чем спотыкались. Так сказать, краткую биографию «Мнемозины».

— Начинали мы с простейшего — вырабатывали условный рефлекс у подопытных животных. Сажали морскую свинку в металлическую клетку, включали звонок и одновременно — электрический ток. Слабенький, конечно, но достаточный, чтобы зверек недовольно подпрыгнул.

— И не жалко было? — улыбнулся капитан.

— Жалко. Но, по сравнению с тем, что началось потом... Впрочем, надо по порядку. Через несколько дней рефлекс становился таким прочным, что свинка подпрыгивала от одного звонка, без тока. Тогда ее поместили рядом с «Мнемозиной» и устраивали короткий сеанс тормозящей радиосвязи с ее мозгом. Пятнадцать-двадцать секунд — и животное начисто забывало о своем испуге. Можно было звонить над самой клеткой — она только с любопытством задирала мордочку.

— Из чего вы заключили, что условный рефлекс снят, нарушен?

— Да. Но научиться отключать самые «свежие воспоминания» — это далеко не все. Сможем ли мы при желании вернуть память — вот в чем было главное условие задачи. Мы попробовали записывать весь радиосеанс на магнитную ленту и потом пускать обратно. Сначала ничего не получалось. Требовалась очень высокая точность и чистота записи, а в городе все время помехи. Но когда нам дали место в «Карточном домике»...

— Вот видите, видите! — воскликнул директор, оборачиваясь к Тамаре Евгеньевне.

Та протестующе пожала плечами.

— Но разве я когда-нибудь возражала против полезности такого института? Я только говорила, что для нашего научного городка он будет непосильной обузой и поэтому...

— Не будем сбивать Этери, — мягко вмешался капитан. — Итак, вам дали помещение в «Карточном домике»...

— ...И тогда все пошло гораздо быстрее. Мы добились нужной чистоты и научились возвращать память еще быстрее, чем отнимали ее. Поворот переключателя на растормаживание, лента прокручивается обратно, и животное снова «помнит» свой рефлекс — подпрыгивает от малейшего звонка.

— А вы — от радости?

— Бывало и так. Но недолго. Стоило нам перейти к следующей серии опытов — к полному затормаживанию мозга, — как животные начали погибать. Мы не могли понять, что происходит. Нам казалось, что должен наступить целебный сон, после которого можно будет вернуть память, записанную на ленте. Полностью

или чуть урезанной — как захотим. А они погибали.

— Да, я припоминаю, — вставил директор. — Сильвестров докладывал об этом. Надо отдать ему должное — рассказывал он не об одних успехах, трудностей не скрывал.

— Потом мы, наконец, догадались. Дело в том, что «Мнемозина» затормаживала клетки мозга без разбору. Покончив с клетками памяти, она принималась за другие — за те, которые управляют дыханием и сердцебиением. И отключала их. Наступала смерть.

— Что же вы придумали? Отключали машину после того, как животное заснет?

— Нет, этого было недостаточно. Вернее, момент был слишком неудовым. Иногда смерть наступала раньше полного засыпания. Поэтому пришлось вводить в машину новый блок: ДЖЦ. Дублиер жизненных центров.

— Что же он из себя представляет?

— Приемно-передаточное устройство и еще одну магнитофонную ленту. Потоньше первой, но подлиннее. На ней записываются только биочастоты жизненных центров, которые сразу передаются обратно в нервную систему животного. Так что даже полная заторможенность мозга не приводит к смерти. Тонкая магнитофонная лента как бы принимает на себя управление дыханием и сердцебиением.

— И животное спокойно может спать, пока тонкая лента не кончится или не оборвется?

— Да.

— Оказывается, все очень просто.

— Ну, что вы. Знаете, сколько мы провозились с этой «простотой»? Два года.

— Но пока сон не наступил, тонкая лента не нужна?

— В общем-то нет. Но в следующих опытах мы ее все-таки каждый раз включали. Для страховки. Даже монтировали автоматическое включение — одновременно с основной лентой, с широкой.

— Следующие опыты — это какие? Оценивание собак и оцыплячивание кур?

— Что здесь смешного?

— Извините. Я просто не знал, как назвать их поточнее.

— Как раз на этом этапе мы обнаружили очень интересный феномен. «Мнемозина» довольно легко и быстро стирала свежие воспоминания, но чем дальше она продвигалась в глубь памяти, тем ей становилось труднее. Справиться с воспоминаниями детства — на это иногда уходило часа два. И лишь потом наступал сон.

— Поддерживаемый тонкой лентой?

— Непременно. Но до сна мы старались больше не доводить. Оставляли, как вы выражаетесь, в щенячем и цыплячем возрасте. Вот Андрей Львович, наверно, помнит наш доклад, который мы делали весной.

— Еще бы. Впечатление на всех произвел

огромное. Целый месяц потом только о вас и говорили. Вы, видно, так зазнались, что даже не дали статьи для нашего научного сборника. А ведь обещали.

— Просто мы считали, что еще рано публиковать какие-то результаты. Правда, сам Сильвер... простите — доктор Сильвестров...

— Вы зовете его Сильвером?

— Да. Он сам про себя часто так говорит в третьем лице: «Старина Сильвер считает...», «Старина Сильвер вами недоволен...», «Не советую вам сегодня спорить со старым добрым Сильвером...». Добрым — вот уж не сказала бы. О нет, не подумайте, что я жалуюсь. Мне очень нравилось с ним работать. Почти каждый день — новая задача, и всегда приходится чуть переходить за грань известного, отработанного. И лично ко мне он всегда относился очень хорошо. Но все равно «добрый» не то слово. Не идет к нему совершенно.

— Вы сказали «нравилось». Почему в прошедшем времени?

Этери растерянно посмотрела на него, потом вдруг потупилась и умолкла. Но капитан сделал вид, будто не замечает ее смущения, и продолжал расспросы:

— Вы прилетели из «Карточного домика» позавчера, тридцатого декабря, верно? Вас послали по какому-нибудь делу?

— Нет, я сама. У меня накопились свободные дни, и я решила их использовать.

— Скажите, а не заметили вы чего-нибудь странного перед вылетом? Все было нормально? Никаких признаков тревоги, никаких аварий?

— Тревоги? Наоборот, все очень радовались. Елку украшали, рисовали плакаты, знаете — шаржи, послания в стихах и все такое. Репетировали шуточные номера. У нас там развлечений мало, так что к праздникам готовятся всерьез. И всегда бывает очень весело.

— Бывает так весело, а вы вдруг уехали. Почему?

— Мне было нужно, — тихо сказала Этери и, пожившись, снова ушла в свою шубку, как в раковину.

Капитан переглянулся с директором, потом посмотрел на часы и покачал головой.

— Послушайте, Этери, — начал директор. — Я вижу, что вы чего-то недоговариваете. И поверьте — в другой раз я бы не стал тянуть из вас клещами. Ведь вы меня знаете. Я хитрый. Дождался бы, когда вам самой захочется рассказать, потерпел бы. Но теперь не могу. Дело слишком серьезное и срочное. Вы должны рассказать все, что знаете. Почему вы вдруг оставили «Карточный домик»? Что там произошло? Вы испугались чего-нибудь? Поссорились с Сильвестровым? Он вас обидел?

— Я испугалась... Да... Испугалась... — прошептала Этери.

— Но чего?

— Что он сам... Что он не послушается меня и сам начнет этот опыт... Без меня, в одночку...

— Какой опыт? Что он задумал?

— Но я обещала никому не говорить.

— Он запугивал вас? Грозил?

— Нет, конечно, нет. Но если узнают у нас в Академии... Его могут совсем снять с этой работы, запретить всякие опыты.

— Этери, там в «Карточном домике» что-то случилось. Что-то очень скверное. Речь идет о жизни людей. В том числе и о жизни Сильвестрова. Поэтому говорите все, что знаете. У нас очень мало времени — поймите!

— Хорошо... Я расскажу... Понимаете, он спешил. Он очень спешил. Еще пять лет назад, когда он только начинал свою работу — он уже тогда страшно спешил. Потому что... про это мало кто знает, но мне он рассказывал. У него погиб ребенок. Мальчик. В автомобильной катастрофе. Они собирались провести отпуск на Кавказе. Сам Сильвестров прилетел самолетом, а жена с сыном должны были приехать на машине. Жена очень хорошо умела водить. Но на повороте лопнула шина. А там сразу обрыв и камни. В больнице, когда она пришла в себя, ей долго не хотели говорить про мальчика. Уверяли, что он в соседней палате, что еще есть надежда. На самом деле он погиб сразу.

— Остаться жить и чувствовать себя виноватой в смерти собственного ребенка! — Тамара Евгеньевна всплеснула руками, будто оттолкнула от себя что-то невидимое. — Даже услышать о таком, и то сердце сжимается.

— Сильвестров рассказывал, что с тех пор она изменилась неузнаваемо. То плачет часами по любому поводу. То начинает заговариваться и уверять его, что мальчик до сих пор в больнице, просит позвонить, узнать, когда его выпишут. Потом приходит в себя и вскрикивает, как от удара. Она говорит, что почти физически ощущает в мозгу то место, где задело страшное воспоминание. Не помогли никакие таблетки, никакие лечения. У него не было сил смотреть, как мучается любимый человек. Он чувствовал, что должен, обязан что-то предпринять.

— И придумал «Мнемозину»?

— Да. Сама идея появилась у него и раньше, но среди многих других. Это не человек, а настоящая фабрика по производству идей. Тогда же, пять лет назад, он решил забросить все остальные проекты и заниматься одной «Мнемозиной». На новом месте работы, в Академии он никому не рассказывал о своем горе. Боялся, что его сочтут эгоистом, хлопочущем только о том, чтобы обеспечить покой в своей семье. Как будто мало на свете других людей, мечтающих освободиться от тяжелых воспоминаний.

— Но неужели время не вылечило ее? Ведь пять лет.

— Судя по тому, с каким лицом Сильвестров вернулся в последний раз из поездки к жене, — нет. Да он и сам стал ужасно нервным, взвинченным. Делался похож на себя лишь тогда, когда работа подвигалась вперед. Но стоило ей застопориться, и он снова впадал в какую-то мрачную ожесточенность. Вы тут вспомнили доклад, который он делал весной. Так вот: с тех пор мы не продвинулись вперед ни на шаг.

— Но вы же работали с утра до ночи.

— Все впустую. Мы получали широкую ленту с полной записью памяти животного, но прочесть-то ее мы не могли. И если мы стирали наугад какой-нибудь кусочек, а потом возвращали память обратно в мозг — пусть даже самой смысленной обезьянке, — она не могла объяснить нам, что она забыла.

— И тогда он решил?..

— Да. Попробовать на себе. Это был какой-то кошмар. Последние два месяца он являлся в лабораторию только для одного: уговаривать меня принять участие в опыте. Помочь ему. Он говорил, что все равно другого пути нет. Что без опыта на человеке нам не обойтись. Что пробы будут самые короткие — полминуты, минута.

— Да кто бы ему позволил?! — воскликнул Андрей Львович. — Даже пять секунд.

— Он знал, что ему не дадут разрешения. Поэтому и упраскивал меня помочь. Плакал... Грозился, если я не соглашусь, начать опыт в одиночку. Без ассистента.

— Но как же вы могли молчать? Нужно было приехать сюда, рассказать нам о его намерениях.

— Я думала, мне удастся образумить его. Уговорить... Но в конце концов не выдержала. Просто сбежала. Хотела сразу ехать в Москву, просить о переводе в другое место. Даже билет вчера взяла в аэропорту. А потом сдала обратно...

— Да как можно колебаться и раздумывать в подобных ситуациях? — воскликнула Тамара Евгеньевна.

Этери посмотрела на нее, и взгляд ее вдруг сделался ожесточенным и злым.

— А что бы вы хотели? Ведь он доверился мне — понимаете? А я? Должна была его предать? Лишить его последней надежды? Вы можете оценить меру его страданий? Страданий его жены? Нет. И никто не может. В конце концов он вправе распоряжаться самим собой. Может, я еще всю жизнь буду жалеть, что отказалась ему помочь.

— Самим собой — это бы еще ничего, — задумчиво сказал капитан, проглядывая записи в своем блокноте.

— Что вы имеете в виду?

— Скажите, как близко должно было находиться подопытное животное во время сеанса?

— Метр — не больше. Мы посылали довольно слабый сигнал, чтобы излучение не достигло лаборатории биоконтроля.

— А сами при этом находились?

— Рядом.

— И ничего?

— Конечно, ничего. Биочастоты человеческого мозга лежат совсем в другом диапазоне.

— Но если, скажем, включить этот человеческий диапазон, а сигнал дать на полную мощность, — какая получится дальность действия? То есть, на каком расстоянии от «Мнемозины» должен находиться человек, чтобы забыть папу, маму и все на свете?

— Точно не могу сказать... Ведь таких экспериментов еще никто не проводил. Но почему вы спрашиваете? Постойте, уж не думаете ли вы...

Этери на секунду даже онемела от гнева, но капитан упрямо кивнул головой:

— Да, думаю.

— Что такой человек, как Сильвестров, мог решиться на опасный опыт, не приняв всех мер предосторожности? Что где-то за стеной ни о чем не подозревающие люди могли попасть в зону облучения?

— Что в этом невозможно?

— Да поймите же: если бы я согласилась ему ассистировать, я бы находилась в той же комнате. Рядом, понимаете? И все было бы устроено так, чтобы я не подвергалась ни малейшей опасности.

— Этери, вы единственный специалист среди нас. Мы обязаны вам верить. Каждому вашему слову. Но я прошу вас, продумайте сами эту версию до конца. Эту невероятную, невозможную ситуацию: «Мнемозина» включена в диапазоне частот человеческого мозга. Что должно случиться, чтобы мощность тормозящего сигнала внезапно возросла? А вместе с ней — и радиус опасной зоны. Если какой-то злоумышленник, знающий аппарат, решился на подобное преступление, что он должен был бы сделать?

— Какой еще злоумышленник? У нас, в «Карточном домике»? Это же чистая утопия. — Вообразите!

Голос капитана прозвучал так настойчиво, что было не понять, просьба это или уже приказ.

— Ну, хорошо. — Этери выпустила, наконец, воротник шубки и загнула один палец на руке. — Во-первых, он мог бы попытаться резко увеличить напряжение в электросети. Это, конечно, в том случае, если бы не знал, что у нас есть релеяная защита против такого скачка. Во-вторых, усилители третьего блока... Нет, отпадает. Здесь у нас тоже система предохранителей. В-третьих... Но я надеюсь, вообразимый злоумышленник не всесилен и не

может распоряжаться атмосферным давлением?

— А при чем здесь атмосферное давление? — вскинул директор.

— Нет, это я к слову. Просто мы месяц назад получили письмо от своих коллег из Вильнюса. Они обнаружили странный феномен: в отличие от обычной радиоаппаратуры, биологическое радио очень чувствительно к колебаниям атмосферного давления. Сильное увеличение давления может вообще практически свести силу сигнала до нуля.

— А падение давления?

— Наоборот, усилить сигнал. Точных цифр у них еще не было, но приблизительные данные первых опытов невероятны: удвоение на каждые пять миллиметров ртутного столба. Они сами были так поражены, что решили заново проверить правильность своей методики. Спрашивали, не сталкивались ли мы с чем-нибудь подобным.

— А вы?

— Мы написали, что не сталкивались. Правда, «Карточный домик» стоит в таком месте, где давление очень стабильно, резких изменений почти не бывает.

Директор вдруг вскочил с места и отбежал к своему письменному столу.

— Не бывает... Да-да, обычно не бывает, — бормотал он, роясь в папке с бумагами. От волнения он выронил нужный листок, но тут же поймал его на лету и поднял к глазам. — Вот. Сводка погоды, я запрашивал ее сегодня утром. Давление накануне пурги упало на двадцать восемь миллиметров.

Можно было подумать, что цифра, названная им, каким-то образом сообщила окружающему воздуху, — такая душная, гнетущая тишина воцарилась в кабинете.

— Пятикратное удвоение, — прошептала Тамара Евгеньевна. — Вместо одного метра, минимум тридцать.

— Может покрыть «Карточный домик» целиком.

— Но время?! — капитан всем телом подавался вперед.

— Что «время»? — растерянно спросила Этери.

— Какая длина у магнитофонной ленты «Мнемозины»? Скорость протомки?

— Бобина с широкой лентой рассчитана на двенадцать часов работы. Когда она кончается, «Мнемозина» автоматически перестает посылать тормозящий сигнал.

— Черт с ней — с широкой! Я спрашиваю про тонкую, про этот ваш ДЫЖ... ЦЫЖ — как его?

— ДЖЦ — дублер жизненных центров. Вы хотите знать...

— Да! Да! — я хочу знать, сколько времени будет жить оглушенный, потерявший память человек?

— Тонкая лента, конечно, длиннее... Примерно в два раза. Но почему вы спрашиваете? Никто ей не ответил.

Капитан молча переглянулся с директором. Тамара Евгеньевна вдруг замотала головой и прикрыла глаза ладонью.

— Почему вы спрашиваете? — повторила Этери, в тревоге приподнимаясь со стула. — Там что-нибудь случилось, да? Андрей Львович, скажите правду. Что-нибудь с Сильвером? Неужели он решил...?

— Не только с ним. — Директор тяжело поднялся из-за стола. — Мы ничего еще толком не знаем, Этери. Но то, что вы рассказали... Если он действительно, забыв дисциплину, долг ученого, решил начать в одиночку этот опыт над самим собой... Чему я просто не хочу верить! Но если это так... И если во время опыта надвигающаяся пурга сыграла роль неизвестного злоумышленника... Я знаю ваших коллег из Вильюса. Вы помните, чтоб они хоть раз ошиблись в таких важных выводах? — Нет.

— А коли они правы, резкое падение давления могло так усилить сигнал, что Сильвестров оказался оглушенным, утратившим контроль над собой, над течением опыта. И не только он, все люди, спящие в здании «Карточного

домика», должны были попасть в расширяющуюся сферу действия «Мнемозины». Если все это так...

Он не успел закончить свою мысль.

За дверью застучали чьи-то шаги, быстро, еще быстрее, почти бегом, и влетевший в комнату человек — волосы всклокочены, в руке зажата пара наушников, — закричал прямо с порога:

— Андрей Львович! «Карточный домик» ответил!

8

Оставшись одни, Стеша и Кияя немного потоптались у закрытой двери, потом, стараясь ступить на цыпочки, отошли обратно к тому же столику. В большой полутемной зале кафе невозможно было избавиться от ощущения, что на тебя кто-то смотрит.

— Спрятаться надо, — тихо сказал Кияя.

— Куда?

— А вот. — Он взял столик за край и осторожно опрокинул его набок. Затем рядом положил еще один — получился шалаш не шалаш, а что-то вроде низенькой ширмы. — Полежай сюда.

— Не хочу, — сказала Стеша. — Чего это я буду прятаться? Стыдно.

— Вот еще! Я, например, дома часто прячусь. То на сеновал залезешь, то в погреб, то под кровать. Не от кого-нибудь, а просто так, для интереса — найдут или нет. Только никто не ищет.

Стеша сидела выпрямившись, задумчиво глядела перед собой.

— Знаешь, у меня сейчас такое чувство, будто все это с нами уже было. Будто мы так же сидели в большом опустевшем здании, и елка поблескивала в темном углу, и на улице ветер, а мы чего-то ждем. И страшно. Может, я сон такой видела? Или в книге прочла про похуже, но не помню, в какой. С тобой так бывает?

— А дальше чего было в твоём сне? Не доглядела?

— Кажется, кто-то вошел. Нет, не помню. Ты мертвых боишься?

— Да они не мертвые совсем.

— Откуда ты знаешь?

— Видать. Лежат все как-то удобно. А хоть бы и мертвые — мне теперь все равно.

— Почему?

— Потому что... — Кияя вздохнул и медленно начал опускаться в свое укрытие.

— Давай-давай, договаривай. Не темно.

— Потому что вы теперь меня куда с собой не возьмете, — глухо донеслось из-за столиков. — Даже если мы отсюда спасемся и все кончится хорошо...

— Не болтай ерунды, — сказала Стеша. — Подвернуть ногу — это с каждым может случиться.

— С каждым — не с каждым, а случилось со мной. Димон не простит.

— А когда летом работали на стройке и его обожгло паяльной лампой, кто бегал к фельдшеру за мазью?

— Ну, мы.

— Никакие не мы, а ты. А кто его потом домой на подводе отвез?

Так то домой. А он меня во-о-он сколько таскал. И не на подводе, а на себе.

Кляя выставил уже два глаза и нос, но Стеша вдруг перестала его утешать и снова впадала в задумчивость.

— Значит, ты полагаешь, что Димон способен... Ты думаешь, он злопамятный, да? Жестокий? Так многие считают... Алексей Федотич у нас всегда на истории примеры приводит. «Представьте себе, говорит, что какой-нибудь греческий тиран пошел войной на соседний город и завоевал его. Что он сделает первым делом? Вот ты, Дима, — с чего бы ты начал?» Тут я, конечно, не стерпела и вылезла: «Почему обязательно если тиран, так сразу — Дима?» А он говорит: «Нет, это я случайно — к примеру. Так что ничего обидного...» Но я-то знаю, что не случайно он его выбрал. А почему?

— Потому что он главный.

— Кто?

— Димон. Он по натуре главный — всякому видать.

— Глупости. Разве это можно по натуре. Главным назначают или выбирают.

— Ну да. Меня сколько ни назначают, ни выбирают, я все равно не буду. Натура не та.

— Нет, ты не понимаешь. Вы еще историю не проходите, а там масса примеров, когда главными делались ну кто угодно, это зависит от разных причин, поэтому...

Они постепенно увлеклись разговором и даже на время как будто позабыли все, что с ними случилось. Но, видимо, какой-то сторож внутри них продолжал напряженно вслушиваться в окружающее. Потому что, когда сверху донесся резкий звук выстрела, Стеша одним прыжком перелетела, перенеслась к Киле за его баррикаду.

Оба замерли там, пригнувшись.

Тыма за окнами окрасилась в красный свет. Потом грохнуло еще раз, и топот бегущих ног прокатился у них над головами. Краснота с шипением разгорелась еще ярче и пропала.

Неясный шум шел теперь со стороны вестибюля.

Окрик, звон металла, упавшего на бетон. Возгласы: «Стой! Отдай! Брось пистолет!»

Шум борьбы.

Быстрые шаги — ближе, ближе. Наконец, сильный стук в дверь.

Кляя выскочил из укрытия и, став перед Стешей, прижал к груди стул, грозно оцетинившись четырьмя его ножками.

Но в этот момент из-за дверей донесся напруганный голос Димона:

— Ребята, это мы. Скорей откройте.

Подбежать к дверям, отмотать проволоку — на это у Стеши ушло несколько секунд.

Широкий свет свега упал из вестибюля в полутемное кафе, и вошла (Стеша с Килей невольно отшатнулись) Димон с двустволкой в руках, за ним Лавруша с большим черным пистолетом и последним — высокий человек в комбинезоне и унтах.

Обеими руками высокий размазывал по лицу слезы и ныл, всхлипывал:

— Отдай, слышишь?.. Отдай ракетницу... Не тебе дали, так нечего цапать... Все сказано будет про вас, про хулиганов... Обрадовались, да? Двое на одного — да? Меня ведь послали, не вас... Отдавай, не то хуже будет... Думаешь, отцу пожалуюсь? Не отцу, а самому Саламандре... Саламандра за меня тебе голову оторвет и в карман положит... Понял? По-хорошему отдавай... Ну, а хоть когда поиграешь-то — отдашь? Ох, появишься ты только на нашей улице, будет тебе гроб с музыкой... Слышь, ты... Отдавай, а не то...

— Не ной! — прикрикнул на него Димон. — Сядь там у стены и помолчи. Будешь говорить, когда спросят.

— Дима, нельзя! — зашептала Стеша, хватая его за рукав. — Как ты можешь так разговаривать со старшими?

— А-а, — отмахнулся Димон, — оставь. Какой «старший». Ты погляди на него.

Запалаканный верзлака уселся там временно у стены. Димон подвинул стул, сел напротив и строгим учительским голосом сказал:

— Итак, откуда вы взялись? Почему бродили по дому один? Зачем открывали окно и пустили в пургу сигнальные ракеты? Чего испугались, увидев нас на лестнице? Но только не врать.

— А чего пристали? — завопил высокий, ударяя себя в грудь. — А что я сделал? Мало ли что испугался! Вас двое, а я один. И не виноват я, зуб даю — не виноват! Не докажешь!

— Не кричи. И не маши руками. Давай-ка по порядку. Как тебя зовут?

— Ну, Юрка я. Сазонов.

— Так. Хоть имя свое помнит. А живешь ты где, Юрка? Здесь? Или в городе? А может, в Ночлегове?

— Чего я здесь не видел. В городе живу. С мамкой и сестрой — понял?

— Работает? Учишься?

— Алё, кончай на психику давить.

— Чего?

— Один такой, как ты, тоже мне на психику давил. Знаешь, что ему Саламандра сделал? Руки-ноги связал, а голову в водосточную трубу засунул. Не веришь?

— Зерю, верю. Только никто на тебя не давит, и пугать тебя мы не собирались.

— Ле собирались? Что ж ты тогда в ружье свое вцепился и до сих пор не отпускаешь? А если оно стрельнет вдруг? Думаешь, не страшно?

— Ладно. Лавруша, поддержи. Ну вот, я уже без ружья. Так где же ты работаешь?

Но Сазонов вдруг нахально ухмыльнулся, развалился на стуле и протянул:

— А не твое. Шенячь. Дело.

Кля от возмущения зашипел, Лавруша охнул, Стеша прошептала: «Какая наглость». Один Димон остался невозмутимым.

— Послушай, Юра, — начал он, не повышая голоса. — Юра Сазонов. Тут стряслось что-то очень плохое. Беда стряслась — понимаешь? В том числе и с тобой. И мы хотим понять. Понять и помочь. Поэтому постарайся вспомнить, что с тобой произошло сегодня. Где ты был утром? Днем? Кого видел? Там в лесу стоит вездеход — это не твой? Ты не на вездеходе приехал? Откуда у тебя пистолет-ракетница? Ну, говори. Расскажи хоть что-нибудь.

Сазонов наморщил лоб, поднял глаза к потолку. Но вдруг лицо его снова перекосила

плаксивая гримаса и слова полились сплошным потоком, так что половины было не разобрать из-за всхлипываний:

— Пристали к человеку... Чего пристали-то?.. Где, да что, да когда. Ну, не помню я ничего... Сказано вам—не помню!.. Бродишь тут, бродишь целый день... Никого нет... Одни валяются на полу, не отвечают, другие высасывают с ружьями... Думаешь, не страшно? И ужинать не дают... Как будто я виноват... Что ж с того, что я стрелял? Я вверх стрелял, не в людей. И не в зверей... А если в кошку из рогатки, так это когда было... И не попал я. Это Саламандра мне рогатку дал, у него их полно... А сестра ее в печку кинула... Я с тех пор и в руки не брал. А то, что в машину залез, так мне сам Петрович разрешает... Учи, говорит, главное, арифметику, и все тогда, тогда станешь шофером. Я и учу... В прошлой-то четверти у меня по арифметике две четверки было, с четверками в шоферы берут, это точно... А ты пристал, заляднил одно и то же: вспомните, вспомните. Бубнишь и бубнишь. Точь-в-точь как тот псих наверху.

— Какой псих? — опешил Димон. — Где?

— А на втором этаже. Тоже врое тебя. — Он состроил гримасу и монотонным голосом начал передразнивать кого-то: — «„Картонный домик“, „Картонный домик“, ответьте Научному городку, „Картонный домик“, почему молчите, переходо на прием...»

— Это радио! — воскликнул Лавруша. — Он передразнивает радио.

Димон вскопил со стула и кинулся к Сазонову.

— Где?! Где ты слышал этого психа?

Сазонов отшатнулся и немедленно перешел опять на слезный тон обиженного пацана.

— Да сказал же я вам... Сразу и сказал — на втором этаже. Там комната в конце коридора направо... Он бубнит из репродуктора — ответьте, ответьте. Я отвечаю, а он опять свое — ответьте да ответьте. Не слышит, что ли, глухая тетеря? Что я, виноват, да, что он меня не слышит? Орешь ему, орешь...

Димон с Лаврушей, не дослушав его причитаний, выскочили из кафе в вестибюль и, перепрыгивая через ступеньки, понеслись вверх по лестнице.

— «Картонный домик»?! Ну, наконец-то! А мы уж тут места себе не находим от беспokoйства. Чуть ли не танковую колонну хотели послать на помощь. Что у вас там произошло? Докладывайте.

Голос звучал из репродуктора негромко, хотя было понятно, что человек там почти кричит от радости. Димон оглянулся на Лаврушу, тот протянул руку и переключил на передатчике нужный тумблер.

— Видите ли... — начал Димон. — Мы сами не можем понять, что тут произошло. Вроде бы праздновали Новый год, все было нормально, а потом что-то случилось.

— Перехожу на прием, — подсказал Лавруша.

— Перехожу на прием, — повторил Димон и теперь уже сам шелкун тумблером.

— С кем я говорю? — Тон голоса в репродукторе заметно изменился — вместо радостных в нем зазвучали тревожные ноты. — Это Сева? Радист?

— Нет. Это Дима. Школьник.

— Какой Дима? Фамилия?

— Дима Снегирев.

Там некоторое время молчали. Было слышно, как человек спросил кого-то: «Снегирев? Кто это?» — и женский голос ответил: «Ну, не могу же я всех помнить. Может, кто-нибудь из механиков?»

На цыпочках вверху Стеша и Киля, стали по обе стороны от двери.

— Скажите, Дима Снегирев, а что у вас с голосом? Вы всегда так говорите?

— Не понимаю.

— По голосу можно подумать, что вам лет тринадцать-четырнадцать.

— Не, тринадцати еще нет. Летом будет. Но это неважно. Вы подождите, не отключайтесь. Я вам сейчас все объясню. Мы на лыжах сюда пришли, понимаете? У нас каникулы, и Алексей Федотыч разрешил нам автобуса не ждать, а напрямки на лыжах, и мы с утра как вышли, так ветра еще совсем не было, мы бы запросто успели, напрямки до Зипунов наших километров восемнадцать...

— Дима, не волнуйся так, — попросила Стеша, подходя сзади и кладя ему руку на плечо.

— Ничего я не волнуюсь. Но надо же людям объяснить, как мы сюда забрели, а то они еще подумают, что это мы все тут натворили. А мы просто заблудились — понимаете? — когда пурга началась, и случайно в этот дом попали. Мы и не слышали раньше про него, и ничего тут не делали, никаких кнопок не трогали, только поели на кухне. Если кто чего тут натворил, так это Сазонов. Из ракетницы точно он стрелял. Может, он до этого еще чего-нибудь выкинул — как вы считаете? Перехожу на прием.

— Сазонов? Что с Сазоновым? Он там, с вами? Позовите его к аппарату.

— Я могу позвать, но нет смысла. Он прямо как пятилетний. То плачет, то грызится, то бормочет, не поймешь его. Мы у него еле ракетницу отобрали. Так позвать?

Там снова повисло тягостное молчание. Потом несколько голосов заговорили быстро между собой. Можно было разобрать только: «Сущая бессмыслица... Какие там лыжи? Впали в детство... Бред». А женщина несколько раз произнесла: «Вот она, ваша «Мнемозина», — и

кто-то ей ответил: «Да, несомненно, утрата памяти налидо». Наконец, голос снова прозвучал из репродуктора, но не тот раскатистый, что раньше, — другой. Посуше и подтверже.

— Дима Снегирев. Слушайте меня внимательно и отвечайте быстро и кратко. В каком состоянии здание? Разбитых окон, поломанных дверей нет? Электричество горит, тепло?

— Да, все нормально. Даже подвесная дорога работает.

— Никаким газом не пахнет, следов огня незаметно?

— Нет.

— Что с людьми? Говорите только про тех, кого видели своими глазами.

— Трое лежат в вестибюле. Похоже, что без сознания. Да нас четверо. Еще Сазонов, но он совсем как малый ребенок.

— А вы сами — как большой, что ли?

— Если вы считаете, что двенадцать лет...

— Не будем отвлекаться. Дима, поймайте хорошенко: то, что я сейчас скажу, — приказ. Приказ Научного городка и милиции. Возьмите карандаш и записывайте.

— Я запомню.

— Нет, запишите. И не выпускайте записанного из рук. На память вашу надежды сейчас почти никакой. Первое: собрать всех, кто может ходить и немедленно покинуть здание.

— А куда же мы денемся? В лес, что ли?

— Нет. Выйдите из главных дверей и сверните налево. Метров через сто будет дом лесника. Записали? Там переждете до утра. Утром прибудет спасательный отряд. Помоще. Если в доме холодно, затопите печь. Сумеете? Кажется, там есть сабака — не пугайтесь. Вы все поняли? Повторите.

— Собрать всех... Покинуть здание... Ждать в доме лесника... Но скажите хоть, в чем опасность?

— В здании установлен аппарат, испускающий сильное радионизлучение. Подавляющее память. Боюсь, что и ваша память уже сильно пострадала. Вы забыли многое и каждую секунду продолжаете забывать.

— Так может выключить его? Или расколлотить?

— Ни в коем случае. Он должен поддерживать жизнь тех, кто уже уснул. Пока вас тоже не свалил сон — торопитесь. Выполняйте приказ.

— Есть.

— Как можно быстрее. Бегом. Все — прочь из здания!

Репродуктор умолк.

Ребята в растерянности смотрели на Димона. Но тот сидел не двигаясь, уставясь в испанную бумажку.

— Дима, — позвала Стеша. — Ведь сказали — бегом.

Димон потер лоб, прикрыл глаза.

— Да, да. Только, по правде говоря...

— Они решили, что мы такие же чокнутые, — сказал Лавруша. — Как Сазонов.

— А может, они правы? Может, мы тоже забыли? И это нам только кажется, что сегодня утром мы вышли из интерната, что Кляя повернул ногу, что сидели в вездеходе. Может, на самом деле это было давно-давно, много лет назад. Но все, что в промежутке, мы забыли.

— Да ведь бегом же! — повторила Стеша. — Сказано — ни минуты не медля. Потом будем рассуждать.

Димон посмотрел на нее, потом на записку с приказом и, стряхнув наконец странное ощущение, напавшее на него, вскочил на ноги.

— Приказано бегом, но приказано еще и всех. Всех, кто может ходить.

— Если Сазонов заупрямится, нам его не вытащить.

— Кляя, Лавруша, быстро на третий этаж. Проверьте, нет ли кого-нибудь ходячего. И если попадется теплая одежда, тащите вниз. Встретимся внизу у главных дверей.

Сазонова все же пришлось оставить в здании. Он не заупрямился, он просто спал. Спал не так, как те в вестибюле, а по-настоящему: подстелив себе на полу у плиты Стешин полушубок, подложив под голову Лаврушин рюкзака и посапывая вымазанными кремом губами. Раскатать его так и не удалось.

— Ну, что там? — крикнул Димон, увидев спускавшихся сверху ребят.

— Никого. То есть спят все. И в запертые двери стучали — не откликаются.

Одевались быстро и молча.

— Готовы? — спросил Димон, в последний раз пробежав бумажку с приказом: налево, сто метров, дом лесника. — Тогда пошли.

Дверь поддалась только после того, как на нее навалились втроем, — столько снега наметало снаружи. Ветер сразу по-разбойничьи выскочил из ночной черноты, ворвался в вестибюль, полоснул холодом по лицам. Зато около домика лесника, укрытого в ельнике, было затишь.

Они набились в тесные сени, топали, стряхивали друг с друга снег. Радостный собачий лай раздался за дверью, и стоило Димону откинуть наружную шею, как пушистая черно-белая лайка вылетела из горницы, не задумываясь кинулась к Лавруше лапами на плечо и несколько раз лизнула в лицо.

— Ребята, — сказал Лавруша, — там в сенях поленица. А мне пса не выпустить бы. Ну, куда? Куда ты тянешь? Чего скулишь? Что, с хозяином твоим беда? Знаем—знаем, что беда. Потерпи. До утра придется тебе потерпеть, утром помощь придет. Понял? Усек?

Димон набрал уже полную охапку дров, когда в полутьме сеней до него донесся Стешин голос:

— Дима?

— Да.

— Ты помнишь, я летом уезжала на неделю? — Помню. Вы с концертами по деревням ездили.

— Да. А когда возвращались, ты на дороге сидел. С корзинкой.

— Ну, сидел.

— И я застучала в кабинку, чтоб остановили, и прыгнула, и ты сказал, что за грибами ходил.

— Я помню.

— Только в корзинке у тебя пусто было. И грибов в июле у нас не бывает никогда.

— Чего ты вдруг вспомнила?

— Так...

— Нет, скажи.

— Я подумала тогда... Подумала, что ты меня ждал. Это правда?

— Угу.

— Знаешь, когда тот в репродукторе сказал, что мы многое забыли и продолжаем забывать, я больше всего за это испугалась. Что забуду когда-нибудь, как ты сидел там на дороге. И как смотрел на меня. И как мы шли потом пешком до деревни.

— Я не забыл. Я даже помню, в каком платке ты была. В зелененьком.

— А у тебя на рубашке значок был. Города Суздаля. Я еще подумала: неужели он за это время в Суздале съездил?

— Да нет. Я так надел. Пофорсить.

— А помнишь, мы уже почти дошли до деревни, и ты хотел меня за руку взять?

— А ты не дала. Почему?

— Маленькая еще была. Глупая. А ты...

— Скоро вы там? — донеслось из-за дверей. — Замерзает.

Они замолчали и вошли в комнату, пряча покрасневшие лица за охапками дров.

— А Кляя где? — спросил Лавруша.

— Кляя?. Мы думали, он здесь, в комнате.

— А я думал — он там, с вами.

Они оглядели бревенчатые стены, медвежью шкуру на полу, телевизор, заглянули под занавески.

— Нет, он нас решил доконать сегодня!

Димон с грохотом швырнул дрова к печке и выбежал на крыльцо.

— Кляя! Кляя! Бандит бессовестный! Где ты? Или сюда, на голос. Эгей!

Никто не откликнулся.

Ветер все так же выл и нес над крышей бесконечный снежный поток. Когда охрипший и продрогший Димон вернулся в дом, он увидел сначала изумленные глаза Стешы, потом Лаврушу, застывшего посреди комнаты и, наконец, в углу — вяляющийся собачий хвост и оскаленную пасть с зажатой в зубах телефонной трубкой.

НАРУШИТЕЛИ СПОКОЙСТВИЯ

Владимир Арро

Фото И. Колтуна

Каждую весну жители села Ляды Псковской области могут наблюдать такую картину: школьный двор вдруг взрывается гулом автомобильных моторов, треском тракторных двигателей — хоть уши зажимай. Плывет синий дым. Орут младшие школьники. Волнуются водители. Директор школы Георгий Васильевич Ткачев высывается из газика и машет рукой: «Поехали!»

Колонна школьной техники — четыре трактора и четыре автомашины — на малой скорости выползает на дорогу. Когда головной газик с директором и бригадиром Шурой Александровой уже за рекой, последняя машина только еще минует ворота. Мальчики, сидящие за рулем, старательно соблюдают дистанцию. А как же ее не соблюдать, когда за мостом инспектора ГАИ уже поджидают нарушителей.

— Ну что ж, Георгий Ва-

сильевич, — говорит инспектор, — опять за свое?

— Надо, надо, — оправдывается директор, — совхоз попросил срочно навоз помочь вывезти.

— Так ни у одного же водительских прав нет!

— А вы спросите их по правилам, спросите!

Инспектор и так знает, что правила движения и все, что касается обращения с техникой, мальчикам известно не хуже, чем взрослым. Ведь недаром двоих из них, лучших, Государственная автоинспекция (ГАИ — не кто-нибудь!) отправила в Артек.

— Ох, — вздыхает инспектор, — нагорит нам с вами когда-нибудь... Каждый год одно и то же, и когда это кончится. У всех школы как школы, а у нас в Лядах — автопарк. Ну, поезжайте, только чтобы в радиусе совхоза.

— Знаем, знаем!..

ТЕХНИКА И „МЕХАНИКА“

Откуда же у маленькой сельской школы столько техники? Вот и из других школ приезжают в Ляды с этим вопросом, разводят руками: мы лопаты не можем лишней достать!

Подарил кто-нибудь? Выиграли по лотерее? Купили?

Вы уже догадались, наверное, что машины в этой школе делают своими руками. От начала и до конца. Любые. От трактора до аэросаней. От автомобиля до лодки-амфибии.

А вокруг только леса да поля. И поблизости нет ни одного магазина «Юный техник». И даже железной дороги нет поблизости, так что многие ребята этой школы, как говорится, живого паровоза еще не видели.

Ну хорошо, техника техникой, а какова же здесь «механика»? А «механика» такова.

Все начинается со сбора металлолома. Младшие, средние и старшие школьники, как пчелы, разлетаются по селу и его окрестностям. Все несут: валы, шестеренки, шайбы, подшипники, старые велосипедные обода. Или катят найденное в канаве колесо. Или приходят и говорят: там какая-то штука лежит, а нам ее не сдвинуть. «Штуку» — раму от машины — прикручивают трактором.

Но самый хитрый сборщик металлолома — директор школы Георгий Васильевич. Говорит, например, совхозным ремонтникам: «И зачем это у вас второй год лежит старый двигатель, он ведь ржавеет, отдайте его нам для наглядного пособия». Ремонтники ухмыляются, знают, сколько уже таких «наглядных пособий» на школьном дворе. Но ничего, отдают, потому что когда-то ведь и сами учились у него в школе.

Когда куча металлолома вырастает в гору, начинается его сортировка.

— Налево! — кричит Георгий Васильевич, цепким взглядом оценивая железку. — Направо! Направо! Направо!

Помаленьку почти вся гора перемещается направо — это все предметы, которые пойдут в дело.

И вот — пожалуйста! Входим с директором в большой сарай. Чего тут только нет!

— Это, — говорит Георгий Васильевич, — шкивы. Это — барабаны. Это — радиаторы...

Десятки предметов! А колесо, колес! Целая пирамида.

— Это пилы. Это рули. Здесь аккумуляторы. Там — карбюраторы.

— Ну, хорошо, — говорю, — а зачем вам дырявый самовар?

— Как зачем, — удивляется директор, — это же отличная медь, пойдет на втулки!

Все в сарае аккуратно подобрано и разложено. Прямо склад какой-то или музей. Каждая железка терпеливо дожидается своей второй судьбы.

Между прочим, совхозные ремонтники частенько сюда за-

Хорошо, когда у отца и сына общие интересы

хаживают — за недостающей деталью. И директор им не отказывает.

ЗДЕСЬ ИЗОБРЕТАЮТ!

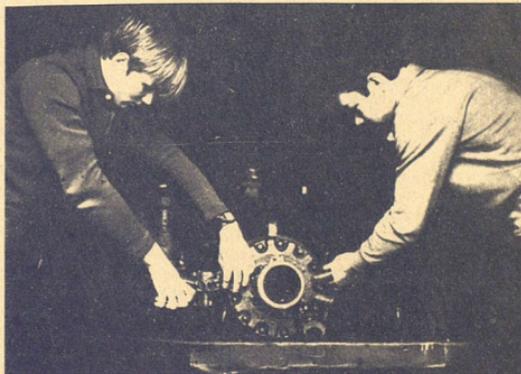
Потихоньку вся эта рухлядь, все эти детали, винтики-гаечки соединяются в одно целое. Не пройдет и нескольких месяцев — глядишь, вместо кучи железного хлама посреди двора стоит вполне приличный, работоспособный тракторишко. Кряхтит, дымом попыхивает, думал — пора на покой, а ему жить да жить.

Но таким «машиностроени-

ем» может похвастаться едва ли не каждая сельская школа. Конечно, в более скромных масштабах, ну, какой-нибудь там трактор с плугом собрали, грузовичок. Если бы все так просто в Лядах и обстояло, то не стоило бы дальше и писать.

Дело в том, что в школе села Ляды не просто строят, там изобретают. Собрать машину из старых частей и ничего при этом не усовершенствовать, не изобрести там считается недостойным, пустячным занятием.

В одном из сараев работает конструкторский кружок. Руководит им сам директор —

В этой школе все делают своими руками

Георгий Васильевич. Он берет к себе всех — и малышей из четвертого, и юношей из десятого класса. А чего ж не брать — всем найдется работа; кому гвозди выпрямлять, кому траки выпиливать, кому мозгами шевелить. Двенадцать человек, как считает Георгий Васильевич, — это кадры, конструкторы. Женя Семенов, Саша Иванов, Витя Ершов, Саша Филлин...

— Мое дело, — говорит Георгий Васильевич, — подорвать их доверие к машине. Да-да, что смотрите? Подорвать. Заронить сомнение, доказать, что можно сделать лучше, что-то самим изменить... Не-ет, говорю, не нравится мне проходить колеса. Ведь трактор заваливаться будет на наших косогорах. Как бы ее повысить? Или такое сомнение подкидывало, что-то, говорю, много в этом механизме трещащих частей, ведь они быстро выходят из строя. Ну, и думаем. Спорим. Выказываем идеи. Наброски делаем. Потом чертежи. Потом модели. Родители стучат в окошко: Георгий Васильевич, ведь уже время-то за полночь!.. А мой-то кадры и голов от бумаги не поднимают. Сейчас, говорю, идем!

ГОРЯЧИЕ МАШИНЫ

Так появились хитроумные модели машин. Три из них, можно сказать, «горячие» — сборка их идет в этом году, а модели уже побывали на выставках, даже на ВДНХ, одобрены специалистами.

Ну вот, например, новая самоходная картофелекопалка. Представьте, водитель, какой-нибудь Витя или Сережа, сидит в седле от мотоцикла и со скоростью четыре километра в час ведет по картофелю полю своей агрегат. Земля вместе с картошкой подрезается лемехом, захватывается шнеком и попадает в крутящийся барабан. Барабан так сделан, что картошку не портит. Все сооружение надежное — в нем минимум трещащих частей. На по-

ле приезжают совхозные механизаторы, может быть, даже сам директор совхоза. Удивляются: что это у них за машина? А школьники уже собираются по домам — поле убрано.

— Есть у нас такое тайное желание, — говорит Георгий Васильевич, — чтобы наша идея перешла в совхозные мастерские.

Срабатан трактор с шагающими колесами. Он не завязнет где-нибудь на проселочной кислой дороге, не перевернется на косогоре. Для таких случаев у него есть специальные «ласты». Первый вариант шагающих колес создали Сережа Михайлов и Володя Киселев, второй — Витя Анисимов и Володя Денисов.

А вот малогабаритный гусеничный трактор. Цепь полумягкого хода — собственной конструкции, идея Жени Семенова. Этот тракторищека будет тренажером. Даже четвероклассник сядет в кресло и все поймет. И поедет. А тренажер школе очень нужен — ведь она выпускает больше двадцати трактористов в год.

ЭЛЕКТРОСТАНЦИЯ И МНОГОЕ ДРУГОЕ

Несколько поколений конструкторов пытело в этом сарайчике над чертежами. Так что тут уже в самом воздухе — изобретательский дух.

Много лет назад в школе не было электричества. Были керосиновые лампы, был движок. Школьные конструкторы во главе с Георгием Васильевичем решили строить собственную электростанцию. Заготовили тридцать кубометров леса, построили раму длиною десять метров, шириной пять. Протянули с одного берега Плюсссы на другой этакий невод — гирлянда маленьких роторов — восемьдесят штук, которые изготовили, разумеется, сами... Чуть не сутками ребята с директором пропадали на реке. И в классах загорелись лампы! Поплавковая электро-

станция дала пять киловатт настоящей энергии.

Тогда же в школе не было и воды. Построили водопровод. Выкопали из земли старые трубы, отрыли траншею, уложили, утеплили. В шахту колодца поставили вихревой насос.

На зиму школу нужно заготавливать уйму дров. А помещения интерната разбросаны по всему поселку. Соорудили передвижную циркульную пилу: приедет такой автомобильчик, у которого вместо кузова — пилорама, остановится, а мотор работает — пилу вращает.

Придуманно все и сделано своими руками.

ДИРЕКТОР

Был он тогда еще не учителем, а трактористом, жил на Кубани. Увидел однажды в руках у мальчиков ржавую гранату.

Мальчики что-то отвинчивали... Он хватил гранату, запал взорвался. Георгий Васильевич остался без руки.

Когда началась война, он был уже студентом учительского института. С прочтением вместо левой руки явился в военкомат. Конечно, ему отказали, но он сумел убедить, что сможет, сможет стрелять во врагов одной правой рукой. Оказался на фронте. Сражался под Сталинградом. Под Ростовом его контузило. Отправили в тыл. Вернуться на фронт больше не удалось. После окончания института поехал в одну из самых разоренных фашистами областей — в Псковскую. А здесь выбрал самый отдаленный район — Ляды.

И вот я думаю: какой бы предмет Георгий Васильевич ни преподавал своим ученикам — литературу или машиноведение — какие бы машины с ними ни строил, одной его судьбы будет достаточно, чтобы понять, как нужно жить.

Директор любит повторять: одно доброе дело рождает много добрых дел.

КРАСНОАРМЕЕЦ

Ришат
Исмагов,
10 лет

ПЛОЩАДЬ
РЕГИСТАН

Эльвира
Мустафаева,
10 лет

БАЗАР Игорь Просекин, 12 .

НАТЮРМОРТ

Айше
Халилова,
10 лет

РИСУЮТ УЗБЕКСКИЕ РЕБЯТА

На одном рисунке красочное праздничное шествие в Самарканде, на другом — сбор оранжевых, спелых яблок, на третьем — буденовец в ярко-зеленой буденовке.

Ребята стараются выразить свои чувства, свое отношение к жизни. Рисунки такие большие, что ни в какой конверт не поместились. Да и пришли они не почтой. Их привез художник Андрей Харшак. Он познакомился с ребятами в Самарканде, в изостудии Дворца пионеров.

...Вот каким увидела Самарканд Эльвира Мустафаева. Именно так выглядит площадь Регистан вечером, когда стемнеет. Я согласен с юной художницей — это удивительное зрелище! Яркий свет прожекторов выхватывает из темноты глухие стены мечетей, синие купола... Лучи направлены вверх, поэтому кажется, что среди черного неба и звезд словно по мановению волшебной палочки вырос сказочный город.

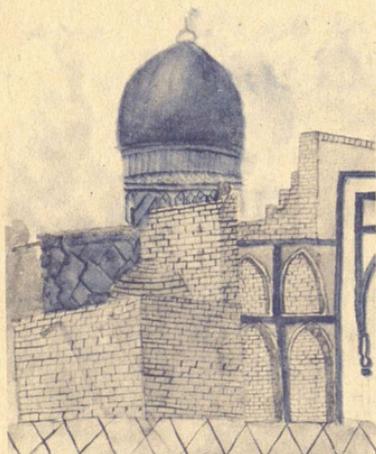

САМАРКАНД Фая Джемилова, 14 лет

ЛЕГЕНДА. Акрам Акбулатова, 12 лет

МАВЗОЛЕИ ГУР-ЭМИР. Ира Полумискова, 13 лет

Заметно, что акварель написана очень быстро. Наверное, Эля старалась перенести на бумагу впечатление только что увиденного, яркость и новизну.

Смотреть на мир по-своему, открывать новое в давно знакомом — трудная задача и для опытных художников. И все-таки для тех, кто впервые берет карандаш или кисть в руки, она тоже обязательна. Эльвире удалось ее решить.

Я после ее акварели стал смотреть на площадь Регистан чуть-чуть по-иному, чуть-чуть ее глазами. А ведь открыть что-то новое в таком городе, как Самарканд, — совсем не простое дело.

Города есть старые и молодые. Самарканд — один из древнейших, ему недавно исполнилось 2500 лет, и когда его в 1220 году разрушили завоеватели, он уже был древним городом. Казалось, уже ничто не возродит его из руин. Но через сто с лишним лет Самарканд становится столицей огромной империи Тимура. Со всех концов завоеванных им земель сгоняется мастеровой люд. В необычайно короткий срок возведены грандиозные мечети и мавзолеи, стены их засверкали разноцветной мозаикой.

По чертежам внука Тимура — Улугбека на одном из холмов была выстроена астрономическая обсерватория, каких не было в то время даже в Европе.

Часто на улицах старого города можно встретить маленьких художников. Ученники изостудии самаркандского Дворца пионеров любят свой город, радуются его красоте. Чувство радости окрашивает лучшие их работы, непечатанные на этих страницах.

Вот акварель Иры Полумисковой. С каким вниманием нарисовала она мавзолей Гур-Эмир! Точно воспроизвела пропорции здания, его характерный силуэт. В рисунке передана плотность многовековой кирпичной кладки. Зоркий глаз у юной рисовальщицы!

Молодеет древний Самарканд. Усыпальница Тимура — мавзолей Гур-Эмир уживается рядом с высотной гостиницей. У подножия величественных развалин мечети Биби-Ханым, как цветной муравейник, гудит колхозный базар. Горы арбузов и дынь, виноград, горячие узбекские лепешки, яркие ткани. «Уш келиб-сиз! Добро пожаловать!»

Вспомнитесь в акварель Фаи Джемиловой. Очень важно, что Фая пишет, а не раскрашивает, пишет смело, убедительно, стараясь показать Самарканд сегодняшнего дня — город, в котором живут ее родители, ее друзья, живет она сама. Обратите внимание, как интересно вышла у нее сцена, где девочка уговаривает маму купить ей мороженое, а поодаль пестро разодетая туристка рассматривает красочный портал медресе Шир-Дор. Очень красивая, радостная получилась акварель!

А вот натюрморт Айше Халиловой выполнен в иной манере. Его автору гораздо ближе графическое восприятие окружающего, чем живописное. Посмотрите: натюрморт состоит всего из трех предметов. На темно-синей ткани — чайник, персик и керамическое блюдо. Каждому предмету Айше дает лаконичную, конкретную цветовую характеристику: чайник — оранжевый, персик — желтый. Белый цвет фона вплетается и в орнамент блюда, создается связь между предметами и плоскостью листа, на котором они изображены. Это удачно!

Увлеченно работают ребята. За какие бы темы они ни брались, среди них одна главная — тема родного города.

А. Харишак

**„ПИОНЕРУ“
ПЯТЬДЕСЯТ!
ПОЗДРАВЛЯЕТ
МЛАДШИЙ
БРАТ!
„КОСТЕР“**

Приветствуем на своих страницах
дорогого гостя — „КОРАБЛИК“!
Для тех, кто не знает:
„КОРАБЛИК“—это часть „ПИОНЕРА“.
Он, так же, как и наш „БАРАБАН“,
печатает только ребят.
Сегодня у нас в гостях
юные поэты „КОРАБЛИКА“

ПАМЯТЬ ОБ АДЖИМУШКАЕ

Был день такой огромный,
А вечер темный, темный,
И на дворе гроза.
Не спится мне сегодня —
Открытые глаза.

Я вижу катакомбы
И слышу грохот бомбы,
И тени партизан
Я вижу на скале.
Кругом вода сочится,
В воронку свет струится,
И надпись: «Не сдадимся!» —
В холодной страшной мгле.

Нина Лезова, 11 лет

МОЯ РОДИНА

Родина — это деревня моя,
Где я родилась и где я росла.
Это и речка, и лес, и закат.
Это ватага дружных ребят,
Желтое солнце и синее небо,
Это поля золотистого хлеба,
Запах цветов, лугов и полей
И крик пролетающих журавлей.

Зина Калачникова, 13 лет

РУЧЕЙ

Ручей шумит,
Ручей звенит,
Ручей поет и пляшет.
А над ручьем,
А над ручьем
Маринка сумкой машет.

Володя Кулушев, 12 лет

Рисунки И. Шерешевской

У каждого поколения рабочих людей есть свои герои. Во втором номере «Костра» вы познакомились со старейшим шахтером Алексеем Григорьевичем Стахановым, героем труда довоенного времени...

В конце пятидесятых годов у нас в стране стало известно имя прядильщицы из Вышнего Волочка Валентины Ивановны Гагановой. Ей посвящали стихи, ее выбирали членом Центрального Комитета КПСС, иностранные корреспонденты писали, что Гаганова — самая знаменитая женщина в СССР. А она была просто рабочим человеком...

Герой Социалистического Труда Валентина Ивановна Гаганова рассказывает читателям «Костра» о себе.

НАУКА И РАДОСТЬ ДРУЖБЫ

Помню, ранним серым и холодным утром по крепко накатанной снежной дороге мы — я и моя подружка — торопились в школу. Темной стеной высится лес, пеньком прикинулся леший; растопырив руки, вот-вот схватит Баба-Яга. Кто-то притаился, распластавшись на самой дороге. Мы замерли, прижавшись, выставив для защиты котомки с тетрадками. Страшно.

— Дай-ка я, — и, отстранив подружку, я шагаю вперед.

— Ой, да это же ветка, — кричу громко-громко, чтоб страх испугать.

Сегодня я стала взрослой, и должна защитить подружку.

А повзрослела я потому, что накануне почтальон принес письмо с фронта. Мама прочла его и сказала, что никогда не вернется домой отец. Она проплакала всю ночь, и я тоже не спала до утра. А утром взяла подойник, надела мамин платок, ватник и пошла доить корову. Хотелось спать, и было страшно подходить к бодрявой корове, хотелось убежать из

темного сарая, но тогда придет мама, а ей и так плохо сегодня.

С того утра доила корову я, хотя еще не скоро перестала бояться. И печку растапливала, хотя почему-то ломались спички и сильно дымили дрова. Я плакала, но так, чтобы никто не видел, ведь иначе мама пожалеет меня, будет все делать сама, а кто же тогда пожалеет ее?

У нас в семье так уж повелось: заботиться одругих прежде, чем о себе. Помню, как говорила мама малышу, набившему шишку об забор:

— Не реви, забор-то цел, и ладно.

— Да-а, бо-ольно...

— Ничего, он тебя уже простил, ему уже не больно.

И невольно малыш привыкал к мысли, что главное — пусть забору будет не больно, а не ему, малышу.

В войну в дом пришла нужда, да так и осталась на долгие годы в нашей семье. Вот и пришлось мне ехать в город Вышний Волочек, устраиваться на работу, чтобы помочь маме прокормить пятерых детей.

Взяли меня ученицей на прядильную фабрику. Помогали, учили, подсказывали, открывали свои секреты. Ну и я старалась вовсю.

Многие думают, что главное в работе прядильщицы — быстрота, ловкость рук. И я сначала суетилась, бегала от машины к машине.

А опытные прядильщицы движутся между машинами «по своему маршруту» красиво и плавно. У них и нить редко рвется. И брака у них нет.

У меня же в первые дни брака было много.

Тогда я поняла, что сначала нужен план — в какое время к какой машине лучше подойти, а потом уже и быстрота придет.

Иногда твоя машина в порядке, а у соседки — сплошные обрывы нити. Если бригада дружная, соседки обязательно помогут друг другу. Если же подружки нет и ты не сможешь соседке, то у нее пойдет брак, а пострадают обе, ведь бригада будет отставать. Выработка прядильщицы во многом зависит от их дружбы.

Когда организовалась в цехе новая бригада, меня неожиданно избрали бригадиром. Подобрались дружные, хорошие, старательные девчата. И очень скоро нас стали называть лучшим коллективом в цехе.

А рядом работали девушки из другой, отстающей бригады. Ни смеха, ни шуток у них не слышно. Давила на них печальная слава отстающих, и здорово давила. Они даже сами себя уважать перестали. Помочь бы им. Но как?

Однажды эту бригаду ругали на заседании комсомольского бюро. И я выступила. А мне в ответ: «Хорошо тебе, у тебя, вон какие девчата дружные. Ты с моими попробуй, а потом уже мораль читай».

Задумалась я.

И представила себе, что не прядильщицы мы, а шоферы. Если у соседа авария, нечего кричать на него «давай, давай», «что копаешься!» Надо остановиться и помочь.

Тут я и решила перейти в отстающую бригаду.

Но все оказалось не так просто. Очень обиделись на меня мои подруги:

— Чем лучше в той бригаде? Зачем тебе уходить? Зачем нас бросать?

— Не дело ты задумала, Валентина, — говорил начальник цеха. — Уйдешь в самый разгар соревнования, накануне съезда, и не станет лучшей бригады, на которую все привыкли равняться. И тебя жаль. Может быть, лучше расформировать этих отстающих?

— Куда ты идешь, одумайся! — говорили другие. — В отстающей бригаде твоя зарплата будет в два раза меньше!

Уговорила я все же начальника цеха. Пришла в новую бригаду. Но там встретили меня неприветливо.

— Мы тебя звали? — только и спросили меня.

Что делать? Уйти, махнуть на все рукой? Днем еще ничего, а по вечерам тоска хоть плачь: не привыкла я без друзей, а тут и старых потеряла, и новых не нашла.

Как-то раз заболела я. Лежу, и свет не мил, и слезы ручьями бегут, не пойму отчего — то ли от температуры, то ли от обиды, что никто не заходит.

Подруги из старой бригады все же пришли навестить, а девушки из новой — нет. Парторг комбината, помню, успокаивала меня: просто они не подумались тебя проведать, они ведь не привыкли дружить.

Да и дела у них на лад не шли не столько потому, что мастерства или знаний не хватало, сколько потому, что не было дружбы. Вот и пришлось нам дружбе учиться.

Одна девушка у нас часто прогуливала. И подруга ее тоже нет-нет да и не явится на работу. Решили мы как-то выйти на субботник. Я говорю подруге прогульщицы: просьба к тебе, сделай так, чтобы подруга твоя вышла на субботник. Приведи, уговори. У тебя это получится. Ее сама я и не спрашиваю, придет она или не придет, это как бы само собой разумеется. Только ответственность за подругу возлагаю на нее. Понятно, на субботник явятся обе.

Это лишь один эпизод. Я не знаю рецептов, как воспитывать коллектив. Но стараюсь, чтобы у каждой родилось са-

мое главное — чувство ответственности за дела бригады.

...Все же и мы передовиками стали. Об этом написала наша городская газета, потом — областная, потом — «Комсомольская правда». Скоро стали приходить в мой адрес письма со всей страны. Поздравляли с правительственной наградой — званием Героя Социалистического Труда, рассказывали о людях, последовавших моему примеру. Удивлялись: «Неужели все зависит от любви к делу, от горящей веры в успех?» Были и заграничные письма. Автор одного из них недоумевал: «Может быть, мадам Гаганова богата так, что ее не интересует заработок? Тогда зачем она работает?» Это он имел в виду то, что в отстающей бригаде я стала меньше зарабатывать.

Один мальчик написал: «Вы должны мне посоветовать, как стать знаменитым человеком. Я очень хочу, чтобы моя личность тоже была известна нашему народу, чтобы родные узнали, какого сына они вырастили».

Когда села я этому пареньку ответное письмо писать, — отца своего вспомнила. Он мне так говорил:

— Для счастья живет человек, только жить уметь надо. Будь, дочка, всегда с людьми, дела свои и душу их меркой меряй.

Так и написала: «Когда люди поймут, что такое счастье, тогда главной заботой станет помогать, дарить...»

*Литературная запись
Аллы Пузачевой*

**Валентина Ивановна Гаганова
среди пионеров
Старичной средней школы
12 апреля 1988 г.**

ПАВЕЛ МАКАРОВ

АДЪЮТАНТ ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА

Геннадий Черкашин

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

Рисунки А. Слепкова

МОКРОУСОВ

Что степной волк, притаился ветер за голыми холмами, ждал своего часа. Но вот он завылся, упругий и сильный, и поплыли, удирая от него, по морю волны — что кони с седыми лохматыми гривами.

Катер форштенем в волну зарылся, обоими бортами воду принял, еще больше осел. Ваня Папанин бросился к машине, остановил ее. Не поспей вовремя — кормить бы морякам крабов на дне.

Папану еще быть легендой, а его командир, что стоит на руле, уже легендами оброс, как корабль ракушками. Слава о нем по всему югу гуляет, до Питера докатилась — еще бы, командир Первого черноморского революционного отряда товарищ Мокроусов.

Не обстоятельства помогли, а шел к этой славе Мокроусов сам, через весь земной шар шел, а начался этот путь на Балтийском миноносце «Прыткий». В 1912 году матросы-комитетчики сообщили ему, что разоблачила его царская охранка; дали ему в руки фальшивый паспорт, и махнул он через Финляндию в Швецию, из Швеции в Данию, из Дании в Англию. Горбил спину на английских швахтах русский матрос, пересекал моря и океаны на грузовых английских пароходах, пока не занесла его судьба в Буэнос-Айрес. А в семнадцатом, как узнал, что в России царя свергли, бросил все, из Аргентины через Японию пробрался Алексей Мокроусов в Россию. В Питер вернулся вовремя — в самый раз к Октябрьскому восстанию угодил.

Взяли Зимний большевики, оглянулись с самого верха — велика Россия! Велика Россия, да большевиков в ней маловето. Знают в Смольном, что откажутся подчиняться новому правительству и эсеры, и меньшевики, которые со всеми готовы соглашаться, только не с большевиками рядом идти, и националисты украинские, которые позвали народ под знамена самостоятельности, и, тем паче, анархисты. Ох как трудно в такой обстановке удерживать власть. Да и русское дворянство без боя своей земли не отдаст, и никому не простят капиталисты, что отняли у них заводы и фабрики. Вот почему понеслись во все концы России люди с твердой волей и ленинскими мандатами. Разъехались. Одни — чтобы смерть принять, другие — чтобы пройти через горнило гражданской войны и дожить до победы.

На Черноморском флоте власть у меньшевиков. Генеральным комиссаром флота — эсер Бунаков. С восходом солнца на кораблях под пение голосистых труб поднимают не только красные флаги. На миноносце «Завидном» рвет ветер желто-блакитный прапор Украинской Центральной Рады, над полужизняжем вызывающе развевается черное анархистское знамя. На Первом всечерноморском съезде из восьмидесяти восьми делегатов — большевиков всего четверть. А с трибуны делегат Ростовского Совета вызывает о помощи:

— Товарищи, Каледин собрал на Дону против Советов пятьдесят тысяч казаков с румынского фронта, шесть тысяч стоят в Ростове. Каледин предъявляет ультиматум Ростовскому ревкому: в два часа упразднить всех комиссаров, иначе, заявляет, объявлю военное положение

и разгону ваши совдепы! Враг открыто посягает на завоевания революции. Товарищи, Черноморский флот! Вы должны немедленно протянуть свою бронированную руку на помощь ростовскому пролетариату!

Съезд раскололся. Большевики за немедленное оказание помощи, меньшевики — за посылку к Каледину мирной делегации. На кораблях с утра до вечера митинги. Те, кто за большевиков, собрались в отряд и выстроились перед окнами Морского собрания. «Требуем отправки в Ростов!» Председатель-эсер в знак протеста демонстративно покинул собрание. Решительный большевик Платонов сел на его место. Съезд постановил: немедленно двинуть вооруженную флотилию на Дон.

Ушла флотилия, ушли миноносцы, а железнодорожные вагоны увезли в Ростов Первый черноморский революционный отряд во главе с товарищем Мокроусовым.

Ночью, когда флотилия ошвартовалась у Ростова, офицерские отряды в ответ на матросский ультиматум захватили часть ревкома и красновардейского штаба, штыками перекололи большевиков и бросили в Дон. Неделю длился бой, все снаряды растреляла флотилия, полетели в Севастополь телеграммы: ждем помощи.

А тем временем Каледин ворвался в Ростов, и потопили в Дону казаки четыре тысячи красновардейцев. Ушла назад флотилия, увозя раненых и мертвых, а те, кто дрался на берегу, ушли вслед за товарищем Мокроусовым в донецкие степи на соединение с другим ударным матросским отрядом.

Начался гражданская. И уже по законам войны покатались навстречу друг другу две силы: с запада золотопогонная корниловская, с востока — революционная матросская. Матросы, не приученные к окопам, шли в атаку во весь рост даже под ураганным огнем. Видавшие виды фронтовики-корниловцы, георгиевские кавалеры пятались от такой удалы. Выпавший снег и лютый мороз и те оказались бессильны перед той ненавистью, которую унесли матросы из Ростова, — стоило им закрыть глаза, как видели они трупы красновардейцев, плывущие вниз по течению, четыре тысячи трупов. Жалили мороз и ветер сивоз куцые матросские бушлаты, ленточки бескозырок матросы зубами прикусывали, но сто пятьдесят верст гнали они шестнадцатидневную корниловскую армию.

Воевал Мокроусов и против Мамонтова, и Шкуро, и Деникина. В Ростов-на-Дону вошел победителем, но рано же отдыхать товарищу Мокроусову. Так считает и командование Юго-Западного фронта, и Закардонный отдел ЦК КП(б) Украины, и сам товарищ Мокроусов. Поэтому отбирает он десять своих старых товарищей-севастопольцев, с кем шел в свой первый поход на Каледина, катер в Новороссийске загружает патронами, оружием и не забывает захватить пулемет. Становится на руль и держит курс к крымским берегам, чтобы по заданию партии возглавить Крымскую повстанческую революционную армию. Не знает еще товарищ Мокроусов, что вместо армии действует в горах лишь один полк, не знает потому, что нет у него связи с партизанами, знает одно: с фронта по приказу Врангеля были переброшены крупные воинские подразделения, в

Окончание. См. «Костер» № 2, 1974 г.

задачу которых входит уничтожение партизанской армии, которая действует в горах.

Бьет зыбь в скаластый форштевень; чихнул мотор, завелся; улыбулся перепачканный маслом Папанин, переложил руль на нужный курс Мокроусов...

Десант высадился на пустынный берег неподалеку от Судака. Первым делом дозор выставили, вторым — потопили катер, третьим — перетащили груз в горы. Остается последнее — найти партизан.

КРЫМСКАЯ ПОВСТАНЧЕСКАЯ

Бабахан смотрел на товарища Мокроусова с недоумением, а Мокроусов смотрел на товарища Бабахана спокойно, но в этом взгляде было столько силы, что товарищ Бабахан больше не возражал, по привычке потер переносицу, плечами пощел и передал свои полномочия новому командующему.

Тот сразу же в полк. Твердый шаг у нового командующего, взгляд сосредоточенный. Макаров спешил на встречу, предупрежденный беспровольным партизанским телеграфом. Пока на стоянку шли, Макаров ввел нового командующего в курс дел.

— Да-а... — протянул задумчиво новый командующий. — Я-то, понимаешь, думал, что здесь целая армия. Деньжонок привез на двадцать тысяч, а у тебя всего сто шестьдесят человек... Ну, ничего... Выделяй из полка по двадцать человек. Пусть они тоже будут полками, скажем, Феодосийским, Карасубазарским. Конный полк создадим. Кроме твоих ребят, есть еще хоть один отряд в горах!

— Захарченко ушел в район Косьмодемьянского монастыря. Наша дисциплина ему не по нутру.

Мокроусов усмехнулся:

— Подчинится!

Утром партизанам прочли приказ № 1 нового командующего: на базе полка сформировать три новых: Феодосийский, Карасубазарский и Симферопольский; товарищу Галько сформировать Первый конный полк; товарищу Буланову организовать три подрывные группы на линии Севастополь—Джанкой—Феодосия; всем отрядам и отдельным лицам, скрывающимся в лесах, предлагается влиться в формируемые полки соответствующих районов; не подчинившиеся приказу объявляются бандитами и подлежат наказанию.

Через несколько часов от Захарченко прибыл послынный, поспешил сообщить, что отряд подчиняется товарищу Мокроусову. Мокроусов усмехнулся, приказал отряду влиться в полк Макарова в качестве батальона.

БОЙ

17 августа прибыл Мокроусов.

20 августа донесли Врангелю: взорваны Бешуйские копи! Где теперь уголь брат белая армии, отрезанной от Донецкого бассейна?! Полетел в Бешуй приказ Врангеля: наказать!

Залп комендантского взвода — и сползли по стене два мертвых офицера тела. Лежали на земле офицеры в обгаренных кровью белых нижних рубашках, казенные за то, что остались живы после внезапной ночной атаки партизан, а неподалеку в офицерском флигеле бились в истерике их жены.

Штабс-капитан Гуляков нагляделся всего этого, вернулся в деревню Кучук-узень, написал вечером мертвецки, а утром собрал своих солдат, рассказал, как лихо расстрелявают своих, грохнул кулаком о стол:

— Айда, братьцы, к Макарову!

Вечером 22 августа 1919 года в ставке Врангеля состоялось первое оперативное совещание внутреннего фронта по борьбе с красно-зелеными. Рядом с Врангелем сидел начальник внутреннего фронта генерал Но-

сочив. Докладывал начальник штаба полковник Боржековский.

Высокий красивый полковник, щеголяя выправкой, сообщил:

— 30 июля отряд зеленых совершил нападение на артиллерийский транспорт, увел лошадей и взорвал снаряды. 4 августа шайка Макарова совершила ограбление Массандровского лесничества на миллион рублей. В ночь на 20 августа было совершено нападение на Бешуйские копи, разграблена касса, взорван пороховой погреб и разрушена шахта. И, наконец, сегодня под воздействием агитации зеленых перешел на их сторону привстав Гуляков и одиннадцать подчиненных ему стражников.

Врангель поморщился:

— Предатели.

— Они будут наказаны, Петр Николаевич, — пробасил Носович. — Если красно-зеленых мы просто расстреляем, то все предатели будут повешены. Продолжайте, — кивнул он полковнику. — Изложите ваш план.

— Собственно говоря, план операции подсказан нам Гуляковым, — улыбнулся Боржековский. — Он подсказал нам ход, который позволяет поставить мат зеленым...

24 августа разведка донесла Макарову, что в деревне Сартапы большой отряд белых желает перейти к красно-зеленым.

Партизаны радостно потирали руки. Думали: «Если наши дела и дальше так пойдут...»

Мокроусов, выслушав Макарова, задумался.

— В общем, ничего тут удивительного нет — в белой армии наблюдается разложение. Многие солдаты прозрели, и офицеры тоже понимают, куда заведет их губительная политика Врангеля. Считаю, что наши воззвания помогли им... И все-таки нужно выставить секретные караулы и заставы на всех дорогах. И ты будь там осторожен...

Утром партизаны спустились с гор и стали перед каменными стенами эконоими. Из открытых ворот доносился запах навоза и парного молока. Мычала корова. Двор был пустынен — ни одной живой души...

Молча стояли партизаны, смотрели на командира, ждали приказа.

— А голову командира буравила уже страшная мысль: «Неужто заседе?»

«Проверим, — подумал он, — сейчас проверим».

— Подтянуть резервный батальон для обхода имения! — Он крикнул это во всю силу своего голоса, и тут же из-за скрытого экономией гребня горы разом ударили пулеметы.

— Ложись! — крикнул он, падая в траву. — Пулеметы, огонь!

Ударили пулеметы красных. И начался трехчасовой бой. Белые стреляли с крыши экономии и из-за холма, и не нужно было бы особенно догадываться, чтобы осознать судьбу отряда, который вошел бы во двор экономии, — он уже никогда бы не вышел оттуда.

Быть может, в другой раз Макаров сразу бы отвел отряд в лес и ударил бы по белым потом, внезапно, но теперь ненависть распалая партизан и им хотелось только одного — победить. Незвестно, сколько еще часов продолжался бы этот бой, если бы не подполз посыльный от Мокроусова и не сообщил, что заставы уже ведут бой с отрядом белых, который заходит с тыла, чтобы отрезать партизан от леса.

Макаров приказал отступить. Отползли партизаны, перебежками добрались до леса. Охнул рядом с Макаровым Васильев — один из тех матросов, что прибыл в горы вместе с Мокроусовым. Подхватил его тело Макаров и по тому, как тяжело обвисло оно, понял: нет больше в живых товарища Васильева.

Четырех убитых похоронили вечером партизаны.

Шестерых своих закопали на гребне холма возле экономии белые. А всего недосчитали они семерых. Седьмого захватили партизаны в тот самый момент, когда этот седьмой пил холодную воду из родника.

В штабе его обыскали. Нашли документы на имя полковника генерального штаба Боржековского, начальника

штаба внутреннего фронта по борьбе с красно-зелеными. Этот полковник сообщил численность наступающих белых войск, состав боевых гарнизонов и положение на внешнем фронте.

ПАПАНИН

Заседал революционный штаб Крымской повстанческой армии. При тусклом свете копилки смотрели на карту и вслушивались в слова начальника штаба товарища Погребного.

— Если верить Боржековскому, белые планируют наступление в Синельниковском направлении. Хотя в сентябре ударить по нашим и захватить Донбасс. Намерения белых понятны, там заводы, а главное — уголь.

Если сегодня Москва — это наш мозг, то Донбасс — сердце. Надо предупредить Реввоенсовет Южного фронта, нужно послать нашего человека в Харьков.

— Я готов пройти сквозь линию фронта.

— Нет, товарищ Макаров, вы слишком известная фигура. За вашу голову назначено крупное вознаграждение. И потом, кто лучше вас умеет вести в горах партизанскую войну? Вы нужны здесь. Так что пойдете через линию фронта?

— Слушайте, братишки, вы, по-моему, не в ту сторону глядите, — сказал Папанин и встал, потому что не умел говорить сидя. — Вы считаете, что если идти через линию фронта, то путь до Харькова ближе. А если махнуть через Турцию?

Все даже глазами заморгали от неожиданности. Кто-то засмеялся.

Папанин махнул рукой и на Мокроусова уставился.

— Слушай, Алексей, я ведь дело говорю. Я у тебя снабжением заведую, я у татар мучку покупаю. Я знаю, что говорю. Нужно с контрабандистами договориться, чтобы доставили мне меня в Трапезунд. Я на другой же день буду в Батуме, на третий в Новороссийске, а из Новороссийска поеду уже в Харьков. Пиши на меня мандат!

Нет, недаром лихие братишки из мокроусовского матросского революционного отряда считали Папанина отчаянным парнем. Кивнул Мокроусов.

— Согласен. Давай собирайся. Проси у командования

для нас денег, оружия, а главное, подкрепления, чтобы, когда настанет пора, ударить белым в тыл.

На следующий день спускался с гор к морю татарская арба с сеном. Контрразведчики из загранотряда, посмотрев на татарина, вознищу, пропустили арбу, не зная, что в мешке с сеном притаился человек.

В полночь пристала к берегу лайба контрабандистов. За 1000 рублей романовских денег согласился старый контрабандист переправить в Трапезунд большевика. Снова засадили Папанина в мешок, засыпали сверху на всякий случай мукой и отнесли на лайбу. В два часа ночи отвалила лайба от берега. Когда отошли подальше в море, развязали мешок и выпустили Папанина. Капитан из рубки высочил:

— Где тут большевик?

Увидел, разочарованно головой покачал, языком поцокал:

— Сказали, большевик, а он такой маленький...

Под утро заспорила вдруг команда с капитаном, раскричались контрабандисты. Он руку поднял, успокоил. Потом подошел к Папанину.

— Не хотят в Трапезунд идти, там мука мало стоит. Идем в Синоп, там хорошая цена.

— Мне в Трапезунд надо! Я деньги дал!

— Нельзя в Трапезунд, там мука мало стоит, — упрямо повторил капитан. — Идем в Синоп.

— Ах, чтоб вас все! — выругался Папанин и ребром ладони по горлу чиркнул. — Во как надо в Трапезунд!

— Нет, идем в Синоп! — сказал турок, и в глазах загорелся недобрый огонек.

Вздохнул Папанин, понял, чем грозят ему препирательства, рукой махнул.

— Валийте в Синоп.

В Трапезунд пришлось добираться пешком. Шел Папанин через города Вона, Кересунда, Триполи. В Трапезунде в порту объяснил грузчикам, что нужно ему в Россию переправиться. Те улыбкались понимающе, прощептали:

— Карашо, товарищ. Идем!

Не думал Папанин, что так ему повезет. Его привели на буксирный катер, который только вчера ушел из Босфора и тоже держал путь в Советскую Россию. Капитан-грек крепко пожал ему руку.

— Я и моя команда идем к вам — жить в рабочем государстве. Примет?

Засмеялся Папанин, радостно ткнул капитана вбок.

— Еще бы не принять вас, братишки. Первое государство создаем без господ, сами им будем управлять. Дешевь всемирную революцию! А теперь, братишка, бери курс прямиком в Новороссийск, выполняй первое революционное задание.

Ночью ушел от скалистых турецких берегов широкий, как лоханка, катер и, погасив топовые огни, взял курс на Новороссийск.

В Новороссийском ревкоме ножом отпорол край подкладки Папанин, вынул мокроусовский мандат, и срочно отправили Папанина в Харьков. В Реввоенсовете фронта выслушали его и немедленно приняли меры. Через пять дней Папанин во главе отряда черноморских моряков, старых своих боевых товарищей, отбыл обратно в Новороссийск. Седьмого ноября вышел отряд в море. Несмотря на шторм, высадился в деревне Копсикор и, развернув красное знамя, повел наступление на Алушту.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

В октябре в горах выпал снег, пришли ранние стужи. Жались поближе к огню партизаны, так засыпали. Просыпались оттого, что тлела одежда.

Наползали мокрые туманы. Сырость проникала в землянки. Появились больные.

Иногда над головой возникали небольшие просветы, и тогда было видно небо, ясное и голубое, и караваны птиц, крики которых долетали даже через серую пелену.

Отбив наступление белых под Синельниково, красные перешли в контр наступление, докатились до Перекопа и здесь встали, натолкнувшись на мощные укрепления. Все пути на полуостров преграждала линия укреплений, воздвигнутая здесь по заказу французскими инженерами — лучшими в мире специалистами.

Чертили пленные вид этих укреплений, называли количество пушек, число танков за колючей проволокой, и Макаров знал, что еще глубже, в третьем эшелоне, в резерве стоял отборный кавалерийский корпус генерала Барбовича — казаки Первого Кубанского и Второго Донского корпусов.

А в полку один из друзей Захарченко, Антон Кубанец, ходил и нашептывал: «У Мокроусова, у его дружок-командиров золотишко, денежки. Сбегут они, бро-

снят тут нас на произвол судьбы. Белые вон как жмут. Порубят нас или от холода мы подохнем. Бежать надо, разбегаться кому куда, повоевали и будя, дурней больше нема».

Макаров, узнав об этом, вызвал к себе следователя ревтрибунала Марка Донского.

— Слышал, как Кубанец шлодит?

— Слышал.

— Принимай меры.

Расстреляли Кубанца. Вздохнул Захарченко, но смолчал. А тут пришел приказ Мокроусова — перебазироваться всем в деревню Малые Казанлы.

В одной из хат изложил командующий свой план: собрать в деревнях линейки и подводы, превратить их в тачанки, уйти на Евпаторию, а оттуда ударить в тыл белым.

— Мы рискуем... Мы идем почти на верную смерть... Но если мы сумеем пробраться в обороне врага, Красная Армия, стоящая за Перекопом, завтра будет в Крыму.

Он не знал, что партизанская армия собиралась совершить то, что уже совершалось.

А совершалось вот что: воспользовавшись тем, что сильные западные ветры гнали воду из Сиваша в Азовское море, командующий Южным фронтом Фрунзе изменил свое первоначальное решение прорваться в Крым у Чонгарского моста и по Арабатской стрелке. И приказал ударной группе Шестой армии в ночь на 8 ноября перейти обмелевший Сиваш вброд и закрепиться на Литовском полуострове.

Перешек Литовского полуострова лежал за Турецким валом. Удержаться на Литовском — означало оказаться в тылу у белых. Чтобы белые не бросили на подмогу свои подвижные части, нужно было удержать эти части на Турецком валу, а для этого необходима лобовая атака. Комдиву 51-й стрелковой дивизии Блюхеру было приказано прорваться через две линии укреплений противника, пройти глубокий ров и штурмовать каменную стену Турецкого вала. Десятиметровую стену, оцетишившуюся стволами орудий и пулеметов.

8 ноября, в три часа дня, послала людей на Турецкий вал, Блюхер знал, что посылает людей на смерть. Не посылать людей на смерть означало позволило белым в течение нескольких часов покончить с ударной группой, которая в полной темноте незамеченной форсировала Сиваш, внезапно атаковала, заняла укрепления белых и теперь с большим трудом отбивала их атаки.

Волна за волной шли на Турецкий вал цепи красных и откатывались, не в силах преодолеть ураганного огня.

Молодой комдив кусал до крови губы и снова посылал бойцов на штурм, потому что знал: белые уже оттянули к перешейку Литовского полуострова Второй и Третий дроздовские полки, которые, совместно со Вторым корпусом, пытаются выбить красных с полуострова.

9 ноября в 3 часа 30 минут, спотыкаясь о мертвые тела товарищей, живая половина дивизии в четвертый раз пошла на штурм и в четвертый раз отхлынула к окопам. Но уже шла на подмогу Латышская стрелковая дивизия. Усиленная Седьмой кавалерийской дивизией, ударная группа Шестой армии вновь перешла в наступление на Литовском полуострове. И дрогнули белые, покинули Турецкий вал и отступили на Ишунские позиции — вторую оборонительную линию, там стояли корниловцы и марковцы.

К исходу 9 ноября вся Шестая армия уже stanулась к Ишунским укреплениям, ждала рассвета, чтобы начать новый штурм.

Белые тоже готовились. За озерами командующий резервом генерал Барбович стоял перед своими конниками, и ветер трепал его седые волосы. Потрескивая, горели факелы. «Помните, — говорил он, — идя в бой, мы должны... считать себя... уже убитыми за Россию! Утром, выждав свой час, этот корпус вырвался из-за озер и стремительным маневром зашел в тыл Шестой армии. В черных бурках, словно стаи коршунов, налетели белоказанки на пешех красных и злобно рубили, загоняя армию в мешок. Положение становилось катастрофическим.

Фрунзе кинул в бой Седьмую и Шестнадцатую кавалерийские дивизии. В серой зимней крымской степи столкнулись белые казаки с красными. Прямо с марша разгорачивались красные тачанки и поливали белые лавы свинцом.

К вечеру корпус белых отступил к Ишуну.

11 ноября по всей линии фронта шли упорные бои.

Ничего этого еще не знали в штабе Мокроусова, и поэтому заседал штаб, собираясь совершить то, что уже совершалось. 11 ноября Повстанческая армия выступила в поход и заняла деревню Боксан.

А на главном фронте, у Перекопа, к утру 12 ноября 30-я стрелковая красная дивизия закончила переправу через Сиваш и повела решительное наступление на Джанкой. Теперь уже в мешке могла оказаться армия белых на Ишунских позициях. Врангель приказал отходить. На рассвете основные силы белых оторвались от красных и быстрым маршем покатились на Евпаторию, Севастополь, Ялту, Феодосию, Керчь.

В густом утреннем тумане 12 ноября Повстанческая армия столкнулась с авангардом конницы Барбовича. Знали белые, что красные сады, но не ожидали этой встречи, промедлили на какое-то мгновение, а партизаны уже съехали с повозок, залегали в цепи, били в белых в упор.

Не выдержав атаки, отхлынула белая конница, оставив на шоссе пятнадцать пулеметов, часть обоза и двуколки с патронами.

По пятам пошли за конницей партизаны, нанося удары с флангов.

К вечеру Повстанческая заняла Карасубазар. Там они захватили начальника связи Первого Кубанского корпуса, который тут же признался, что к городу приближается основная часть корпуса Барбовича в составе двух тысяч сабель. Макаров расположил у дороги в засаде свой полк. Ничего не подозревали белые, шли на рысях, карабины за спиной, шапки в ножнах. И вдруг с двух сторон ударили дружно пулеметы, заржали в испуге кони, захрапели в предсмертных муках, а те, кого пощадили пули, кинулись по лесным дорогам в обход города...

Барбович решил наконец дать отпор партизанам, но за прошедшие сутки выросла Повстанческая — две тысячи партизан и тридцать пулеметов. Не один час длился этот бой. Защищая своего генерала, до последнего патрона дрался его личный конвой. Не думал генерал, что этот бой станет роковым для его корпуса; те, кто уцелел, ушли в леса, чтобы еще долгие месяцы устрашать деревни набегами и казнями.

С холмов Макаров в бинокль смотрел, как лавой катился по степи на Керчь наступающий корпус красной конницы. А справа лежала на побережье голубого залива древняя Феодосия и маневрировал вдоль берега французский крейсер. С крейсера, заметив красных, открыли по Повстанческой огнем. С берега ответили. Крейсер, дав задний ход, развернулся и взял курс в открытое море.

Застыв на корме, неотрывно смотрел на отдалющийся берег главнокомандующий барон Врангел. В последний раз смотрел он на Россию.

А в Феодосии вместе с частями Красной Армии уже входили партизаны. Был вечер 15 ноября. До полного освобождения Крыма оставались считанные часы.

В Севастополе 15 ноября еще грузились на пароходы белые. Метались люди по коридорам гостиницы Киста, пытались получить пропуск на пароход. Обладателям пропусков предлагали бриллианты, золотые портсигары, любые деньги. Предлагали в обмен на бумажку, которая давала право пройти за цепь оцепинившихся штыками конювер на Графскую, Телефонную или Минную пристани, где стояли корабли и откуда отходили катера на внешний рейд. Там уже дымили пароходы.

Глухая канонада слышалась на востоке. От Бахчисарая приближались красные. К полудню кое-где толпа отбросила конюерские цепи и прорвалась к трапам. Давя друга друга, сталкивая в воду, наступая на упавших, штурмовали люди высокие борта судов.

В полдень из гостиницы вышел в сопровождении двух ординарцев бывший командующий Добровольческой армией генерал-лейтенант Май-Маевский. Он был в гражданском платье, которое сидело на нем мешковато. Его звали конюера и, не требуя пропуска, пропустили его превосходительство на Графскую пристань. Офицеры, дожидаясь катеров, увидев генерала, взяли под козырек, но генерал вдруг зашатался и грузно осел на ступени, держась за сердце. Четверо офицеров бросились к нему. Вместе с ординарцами с трудом подняли тяжелое тело и погрузили в автомобиль.

— В госпиталь, — приказали они шоферу. — У генерала сердечный приступ.

Оставив генерала в приемном покое, на том же автомобиле вернулись на Графскую. Погрузка уже закончилась. Один за другим суда уходили в море.

— В Стрелецкой бухте должны быть еще английские эсминцы! — вспомнил кто-то.

На пристани в Стрелецкой уже стояли толпами белые офицеры, молили английских матросов пропустить их на палубу. Те равнодушно мотали головами. За их спинами на палубах стояли пулеметы. Солдаты за пулеметами с холодным любопытством смотрели на грязных, измученных, кричащих офицеров.

— Будьте вы прокляты! — крикнул какой-то ротмистр и, сорвав с груди ордена, швырнул их в воду. — Будьте вы прокляты, — уже спокойнее повторил он и выстрелил себе в висок.

В госпитале умирал старый генерал Май-Маевский. Говорят, последние слова, которые он произнес, были: это счастье — умереть на родине.

Он умер в тот момент, когда под победоносные звуки духовых оркестров конница Буденного вступала в Севастополь.

ЭПИЛОГ

Еще в классе пятом или шестом я впервые прочитал рассказ. Этот рассказ запал мне в память — нет, в сердце. Этот рассказ волнует меня до сих пор. Точнее, тот человек, которого писатель изобразил под фамилией Яковлев.

Помнится, в пионерском лагере в Алсу, когда мы ходили в поход к пещере около Байдар, я пытался ребятами рассказать о Яковлеве. Не думал я тогда, что наступит день, и я войду в дом этого человека, в Симферополь, на Раздольной улице — в дом Павла Васильевича Макарова, потому что Макаров и Яковлев — одно и то же лицо. К сожалению, я уже не застаю хозяина, и в то же время все вокруг меня будет говорить о нем, о его скромности — и простой стол, и железная кровать, и старенький телевизор, и фотографии в альбомах, и рассказы жены и младшей дочери. Жена Евдокия Сергеевна расскажет мне, как Павел Васильевич возглавлял борьбу с бандами в Купянском уезде. Его перепоросили туда после того, как отряд под его командованием очистил крымские леса от всевозможных банд, в том числе и от банды Захаренко.

Да, этот человек не знал страха. Он жил так красиво и так скромно, как могут жить только настоящие народные герои.

Я прочитал и книги Павла Васильевича: «Адъютант Май-Маевского» и «Партизаны Таврии». Книги автобиографичны. Но главное, повествуя вроде бы о своей жизни, Павел Васильевич в действительности рассказывает о своих боевых товарищах. О жизни своего поколения. Он вспоминает десятки людей, помещает их фотографии, рассказывает о них столько, что его собственная жизнь теряется в этом правдивом рассказе о людях и о своем времени.

Я узнал также, что во время Великой Отечественной войны Павел Макаров вновь командовал партизанским отрядом, а командующим партизанской армией был тот же самый Алексей Мокроусов. Гитлеровское командование предлагало за голову каждого по десять тысяч марок.

Хотилось гестапо умно, изучив предвзвешенно биографию, и однажды Макаров чуть не попался в ловушку. Ее устроили немцы с помощью предательницы, которая повела командира партизанского отряда на встречу с жителями деревни Тавель. Но и тут его выручила бдительность.

Нашелся другой предатель — он укал гестапо дом матери Макарова Татьяны Савельевны. Ее повесили на центральной площади Симферополя в январе 1942 года.

Сын Павла Васильевича Георгий стал летчиком. Он погиб в 1943 году и похоронен в братской могиле в деревне Золотаревка Лисичанского района Ворошиловградской области.

Да, есть люди, имена которых — потому ли, что не стремятся они быть на виду или по каким-то другим причинам — долгое время остаются неизвестными, но сама их жизнь настолько необычна, так велики результаты их деятельности, что рано или поздно мы узнаем о них, восхищаемся ими и начинаем любить их как самых близких и дорогих людей...

РАДИОГРАММЫ С КОРАБЛЕЙ ЭКСПЕДИЦИИ

«В записке — ошибка на одну (первую) единицу. Но разница получилась в 100°».

Экипаж «Товарища», Ленинград»

«...Указаны берега Бразилии...»

Экипаж «Крузенштерна», Пушкин»

«Ищем и спасем!»

Экипаж «Морских волков», Свердловск»

Шхуна миновала берега Ирландии и разрезала острым форштевнем воды Атлантики, как вдруг...

...КАК ВДРУГ

— Вижу на горизонте черную точку! — доложил боцман Бухта. Капитан Быстроходов изменил курс.

— Небольшой парусник. Моторная яхта. На палубе — ни души! Странно, — пробормотал капитан. — Боцман, приготовьтесь осмотреть яхту! — Шхуна осторожно подошла к яхте, и боцман по штурману спустился на ее палубу.

Никого. В ходовой рубке на столе — морская карта. Мерно тикают часы. На карте — тупой, плохо отточенный карандаш, лощия Северного моря.

Боцман заглянул в каюту. Увидел, что из двух коек заправлена только одна. Одежда и простыни на другой смяты и разбросаны. На столе кусок галеты и опрокинутый стакан с чайниками, прилипшими к доньшку.

В рундучке нашлись книги по археологии, полог против москитов, учебник испанского языка. В кармане брезентовой куртки, висевшей у двери, боцман нашел обрывок теле-

граммы с обратным адресом Мехико.

Вернувшись на шхуну, Бухта хотел

было доложить результаты осмотра, но капитан Быстроходов прервал его:

— Получена радиограмма, — сказал он, — вчера в этом районе снят с яхты человек. За яхтой идет портовый буксир. Этот человек...

— Я, кажется, сам могу кое-что сказать о нем, — улыбнулся боцман.

— Во-первых, — человек, который плыл на яхте, не был моряком. Об этом говорит грифель карандаша, лежащего на карте. Во-вторых, он плыл из Европы в Центральную Америку, скорее всего, чтобы попытаться счастья в раскопках древних индейских городов. В-третьих, не будучи моряком, он не справился с управлением яхтой во время неожиданного ухудшения погоды и перешел на первое встречное судно.

— Точно! Похоже, что так, — задумчиво сказал капитан Быстроходов...

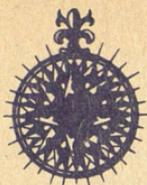

Ребята! Согласны ли вы с выводами боцмана! Попробуйте ответить на такие вопросы:

1. Знаете ли вы случаи обнаружения советскими кораблями брошенных в океане судов?
2. Может ли человек в одиночку управлять парусником?
3. Почему моряки, работающие с картами, остро точат карандаши!

Рисунки А. Курушина

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. Скосьрева

Оформление
Р. Попова

Год издания 18-й

ЖЕНЩИНА-КАПИТАН

Читатели просят рассказать о женщине-капитане Анне Ивановне Щетининой. Юнкоры «Морской газеты», пионеры из морского клуба «Золотой рог» поселка Мамакан Иркутской области, во Владивостоке встретились с Анной Ивановной. Об этом они написали в «Морскую газету».

«...Анна Ивановна была в морской парадной форме. На плечах сверкали знаки различия. Глаза у Анны Ивановны ярко-синие. Анна Ивановна рассказала нам о своем детстве и юности. Она окончила Мореходное училище и стала водить корабли, когда ей исполнилось двадцать шесть лет. Первым ее дальним рейсом был рейс в Японию. Сейчас Анна Ивановна преподает в Мореходном училище имени адмирала Невельского. На прощание Анна Ивановна записала в нашем путевом дневнике: «Сегодня эта встреча была интересной и содержательной. Члены клуба «Золотой рог» Мамаканской средней школы впервые в Приморье. Впервые увидели нашу чудесную бухту Золотой Рог и познакомились с Владивостоком. Дорогие друзья! Больших вам успехов в жизни! Капитан дальнего плавания Анна Ивановна Щетинина».

Потом она крепко пожала всем руки и мы расстались. Но эту встречу мы не забудем!»

КАК СРАЖАЛСЯ МИРНЫЙ ТЕПЛОХОД

О. Орлов

В мае 1942 года теплоход «Старый большевик» вышел из английского порта в составе каравана судов. Это было мирное торговое судно. Но когда началась Великая Отечественная война, «Старому большевику» пору-

Едва не каждый час на судах играли боевую тревогу: то вахтенные замечали перископ, то из-за туч на бреющем полете появлялись торпедоносцы врага...

Отчаянный бой разгорелся в Ба-

С эсминца передали приказ английского адмирала, начальника конвоя: «Команде срочно покинуть судно и перейти на эсминец сопровождения!» Капитан «Старого большевика» Иван Иванович Афанасьев просигналил:

чили возить из портов наших союзников — Америки и Англии — военные грузы: танки и взрывчатку для Советской Армии. Его вооружили пулеметами и поставили на палубе скорострельные пушки. Караван охраняли английские эсминцы. Это были опасные рейсы: на морских дорогах затаились фашистские подводные лодки, а в небе летали фашистские бомбардировщики...

ренцовом море. Моряки «Старого большевика» отбивались из пулеметов, отстреливались из скорострельных пушек. Но силы были неравные. На тихоходное судно пикировали с разных сторон сразу девять бомбардировщиков! Вокруг теплохода поднялась от разрывов сплошная водяная стена. Тяжелая бомба попала на полубак, и раненый теплоход потянул за собой гряду огня и дыма.

«Судно не покинем. Тушим пожар своими силами». Караван и корабли конвоя ушли на восток. Каждая минута промедления грозила гибелью. Теплоход остался один. И только водой из брандспойтов сбили огонь, только сделали пробойны, — снова в атаку пошли фашистские бомбардировщики. Один заход, другой, третий... Сбит один бомбардировщик, и бомбы сделали свое дело: снова

плетает теплоход. Уже и ночь наступила, зарево далеко видно. В черных волнах совсем близко всплыла черная подлодка. Обошла вокруг теплохода и погрузилась: фашисты решили, что судно брошено командой, обречено. Зачем тратить торпеду? Но советские моряки отстояли теплоход. Израненный, обгоревший, с пробитой трубой и погнутыми от жара надстройками теплоход пришел в Мурманск. Ценный груз для фронта был спасен.

Советское правительство присвоило капитану Афанасьеву, помощнику капитана Петровскому и матросу Аказенку звание Героя Советского Союза. А теплоход «Старый большевик» наградили орденом Ленина.

С ВЫСТАВКИ ПИНГВИНА

«НА ПОЛНОМ ХОДУ» Рисунок Сережи Беспалова, деревня Сквордино Амурской области

РЫБАКИ СПАСЛИ ДЕЛЬФИНОВ

В мерте погода на Курилах, возле острова Итуруп, переменчива. Днем было тихо, а ночью подул ветер, погнав льды к берегу.

Утром люди заметили на льду черные точки. Дельфины! Лед прижал их к берегу, и обессилевшие животные никак не могли выбраться из западни. На помощь поспешили люди. Взрослые и дети с санками побежали к морю. А льдины тонкие и не устойчивые... Рыбаки шестами начали расталкивать их и, стоя на досках, освобождали животных. А потом на санках дельфинов перевезли в бухту Оля, чистую ото льда.

В историю известны случаи, когда дельфины спасли людей. А теперь курильские рыбаки спасли дельфинов.

*Южкор Валерий Крыськов,
Южно-Сахалинск*

МОРСКИЕ ВРАКИ

ПОЧЕМУ МОРЯ-ОКЕАНЫ СОЛЕННЫЕ?

В любой реке — вода пресная. Это всем известно. Но океаны-то, в которые реки впадают, — соленые! И моря соленые! И самые маленькие заливы — соленые... Дело вот в чем. В давние времена были в океане Солёные острова. Целиком из соли! Они понемногу таяли и сделали воду в океанах соленой... Английские короли посылали мореплавателя Кука найти Солёные острова и привезти кусочек соли. Кук был хороший мореплаватель, но островов найти не смог: размыло их к тому времени сильно. А теперь и совсем следов не найти. Нету Солёных островов... А реки-то пресную воду все несут в океан, разбавляют соль. И скоро вода в морях-океанах перестанет быть соленою!..

Наш клуб на озере Глубоком

Когда мы были на Черном море, то пошли купаться не на пляж, а на мыс. Нас окликнули ребята из моторной лодки. Они были одеты в морскую форму. Они подобрали нас в лодку, сказали, что купаться здесь запрещено, и отвезли к молу. Там было много ребят. Они рассказали, что организовали КЮМ, командует которым бывший моряк-подводник Николай Павлович Гулько. Сюю

флотилию сделали сами — несколько моторок, шлюпок и шверботов. Помогаем в порту следить за порядком. Когда мы вернулись в Лабинск, то решили создать свой КЮМ и назвали его «Дельфин». Теперь у нас есть свой «порт» на озере Глубоком и две лодки. В клубе — десять юных моряков.

*Командир клуба Вася Ракин,
Лабинск Красноярского края*

БАЛЛАДА О ПАРОХОДЕ

Я ржавый и железный, по гаваням хожу,
Машины, лес и уголь по свету развожу.
Я ржавый и железный, я старый парход,
Тружусь на океанах уже который год...

Был где-то вечер синий в теплюющем краю,
И вез я апельсины, и пахло, как в раю!

Потом менялись грузы, но много-много лет
Я помнил вкус и запаха и золотистый цвет...

Сергея Герасимов, 14 лет, Ленинград

Письмо Пингвину

Дорогой Пингвин! Был я с мамой в Ленинграде, зашел в кинотеатр «Родина» и увидел выставку рисунков, которые дети присылают в «Костер». Очень мне приятно посмотреть и на свой рисунок «Прорыв обороны». Мы с мамой радовались. Спасибо! Только меня зовут не Нина, а Коля...

Коля Мстиславский, Токсово

ПАМЯТЬ О ПОЭТЕ

К 160-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Т. Г. ШЕВЧЕНКО

Близ небольшого города Канева, на крутой горе у самого берега Днепра, стоит памятник великому украинскому поэту Тарасу Григорьевичу Шевченко. Сюда ежедневно приезжает множество людей со всех концов Советского Союза и из-за границы, взрослые и дети. Вереницы поднимаются они по деревянной лестнице вверх по склону, поросшему лиственным лесом. От подножия памятника открывается вид на поля и леса по другую сторону Днепра. Такой простор...

Похоронен поэт примерно в шестидесяти километрах от села Морицы, где он родился 14 марта 1814 года. Его родители были крепостными крестьянами, и сам он с юных лет попал в услужение к помещику — казаком. Никто не думал и не гадал, каким великим человеком станет в будущем этот мальчик. Когда барин переехал в Петербург, Тарас очутился в столице Российской империи вместе с баринем. Ему исполнилось тогда семнадцать лет.

Не видя в казачке лакейской расторопности, барин отдал его — по контракту — в помощники «разных живописных дел мастеру». Отдал, вняв неотступной просьбе самого Тараса, который с детства любил рисовать. «Живописных дел мастер»

занимался росписью стен и потолков в особняках богатых людей, во дворцах, театрах. У него были знакомства с настоящими художниками, так что талант его молодого помощника скоро был замечен. У Тараса появилась радостная возможность рисовать во внеурочное время в классах Академии художеств, но поступить в Академию он не мог: крепостных туда не принимали.

Помочь ему освободиться от тяжелой крепостной зависимости взялся сам Карл Брюллов, знаменитый в Петербурге художник. Крепостному Шевченко владелец его соглашался дать «вольную» за выкуп в две с половиной тысячи рублей. Брюллов и поэт Жуковский решили: Брюллов напишет портрет Жуковского, портрет будет разыгран в лотерею, лотерея даст нужную для выкупа сумму денег. Так и сделали.

Получив «вольную», Тарас был счастлив, первые дни он целовал эту драгоценную для него бумагу и плакал. Принятый в Академию художеств, он стал прилежным учеником Брюллова, легко переносил нужду, хотя жить приходилось часто впроголодь. К этому времени относится рисунок его друга, молодого художника Штернберга, с которым они жили вдвоем. Слева Штернберг нарисовал себя, справа — Тараса. Над рисунком можно разобрать надписи: «Вместо чаю мы побырили». И дату: «1840». Как раз тогда вышла в свет первая книга стихов Шевченко «Кобзарь».

В юноше замечали незаурядный талант художника, но гораздо значительней был его поэтический дар. Впервые в украинской поэзии прозвучали стихи, столь близкие чувствам и переживаниям народа и одновременно удивительно напевные, музыкальные. Многие стихи Шевченко в последующие годы стали песнями, они живы в памяти народной до сих пор. И ныне поются дивные песни на слова Шевченко: «Реве та стогне Днипр широкий», «Думы мои, думы», «Садок вишневы колос хаты», «Ю, три шляха широкіє», «Утопала степечуку» и другие.

Шевченко ненавидел крепостническую строй и не мог об этом не писать. В стихах его можем найти, например, такие строки:

Отняли у голодной голи
Все, что осталось —
вплоть до воли, —
И травим... И делю костью
Людей муштрованных немало.
А слез! А крови! Напоить
Всех императоров бы стало.

(Перевод П. Антокольского)

Такие стихи неминуемо должны были навлечь на поэта преследование царских властей. В 1847 году «за сочинение возмутительных стихов» Шевченко был арестован, а затем отдан в солдаты и отправлен в Оренбургский корпус, причем сам царь Николай I повелел запретить ему писать и рисовать. Иначе говоря, царь недругнувшей рукой предписал убить в Тараса Шевченко поэта и художника...

Но ничто не могло сломить этого человека, заставить его покориться судьбе.

Десять лет прослужил Шевченко солдатом, а в сущности, отбывал ссылку в казахских степях — у Аральского моря и на восточном берегу Каспия, на полуострове Мангышлак. «Странное, однако ж, это всемогущее призвание... — писал он в своем дневнике после нескольких лет ссылки. — Я сочинял стихи, за которые мне никто гроша не заплатил и которые, наконец, лишили меня свободы и которые, несмотря на всемогущее бесчеловечное запрещение, я все-таки втихомолку кропаю». Еще бы! Шевченко упорно продолжал писать и рисовать, он только закалился в тяжелых испытаниях.

Наконец он обрел должную возможность вырваться из ссылки. И записал в дневнике: «Все это неисповедимое горе, все роды унижения и поругания прошли, как будто не касаясь меня... Мне кажется, что я точно тот же, что был и десять лет тому назад. Ни одна черта в моем внутреннем образе не изменилась». Его отличала необычайная сила духа, она вызывает величайшее уважение.

Вспоминая ветреный летний день над Днепром, цветы у подножия памятника Шевченко. Приезжий бандурист перебирает струны бандуры, играет «Думы мои, думы», множество людей затаив дыхание слушает, кто-то вполголоса пробует петь, и я думаю: вот она, народная любовь к поэту...

С. Тхоржевский

Рисунок А. Морева

САМОЕ ГЛАВНОЕ

Однажды мальчик по имени Минька схватил в школе единицу. Это очень его огорчило: к дню своего рождения он мог не получить обещанный фотоаппаратик.

Однако старшая сестра Леля решила вырвать его и дала ему совет, как скрыть неприятность от отца. Но все Минькины маневры кончились неудачей: «потерянный» дневник нашелся, попытка склеить страницы в дневнике тоже не принесла успеха. Охваченный раскаянием Минька рассказал отцу всю правду о своих проделках. К величайшему его удивлению отец не только не рассердился, но напротив, так обрадовался, что пообещал ему подарок. Пораженная таким оборотом Леля, решив, что теперь дарят подарки не за хорошие, а за плохие отметки, весело сообщила, что она тоже недавно получила двойку по физике. Но на нее рассердился, выгнали из комнаты и велели сесть за уроки.

Читая рассказ, невольно задумываешься: почему признание Миньки обрадовало отца, а признание Лели огорчило?

Рассказ называется: «Не надо врать». Следом за ним идет еще несколько историй, где Зоценко вспоминает свое детство, себя — Миньку и свою сестру Лелю. Между братом и сестрой нет дружбы. Чаще всего их объединяет какая-нибудь шалость. То перед приходом гостей они разорили елку («Елка»), то для того, чтобы раздобыть деньги на мороженое, продали старьевщику чужие галоши («Галоши и мороженое»), то, положив в красивую коробку от конфет лягушку и паука, отнесли ее на панель — как будто кто-то шел и потерял свою попку («Находка»).

Рассказы написаны необычайно увлекательно, большим мастером, большим художником. И дело тут не только в занимательном сюже-

те. Рассказы эти учат любить и жалеть людей, учат правде и честности, порядочности и скромности.

Почти каждый рассказ завершается строчками, из которых мы узнаем, что уроки, вынесенные из детских лет, не прошли зря, оставили след на всей жизни автора. Строчки эти звучат удивительно искренно и не могут не тронуть сердце читателя: «И даже теперь, когда я стал совсем взрослым и даже немножко старый, даже и теперь иной раз, кушая мороженое, я ощущаю в горле какое-то сжатие и какую-то неловкость. И при этом всякий раз, по детской своей привычке, думаю: «Заслужил ли я это сладкое, не соврал ли и не надуд ли кого-нибудь?»

В книге Михаила Зоценко «Рассказы для детей», выпущенной издательством «Детская литература» в 1973 году, есть рассказы не только о Миньке и Леле, но и о других детях. Писатель радуется самостоятельности, которую проявляет маленький герой («Показательный ребенок»), его восхищает сообразительность и находчивость девочки, которая нашла способ, как кормить запертую в комнате кошку («Умная Тамара»), он подсмеивается над незадачливым мальчиком, испугавшимся собственной лошади («Труснишка Вася»). Устами матери Андриуси Рыженького в прекрасном рассказе «Самое главное» автор говорит: только храбрые люди хорошо живут на свете. Только они побеждают врагов, тушат пожары и отважно летают на самолетах. Но мало быть только храбрым. Надо быть еще и сильным. Но и этого недостаточно: надо еще быть умным, уметь плавать, грести, разбираться в разных науках. И этому всему надо учиться всю жизнь.

Е. Путилова

ДОБРАЯ ДОРОГА

ПОВЕСТЬ-БЫЛЬ

М. Паюхина

Рисунки А. Сколозубова

Вернулись мальчишки. Одну за другой бросил Женька на ее место шесть пачек печенья.

— Поберегите на вечер, матрос! А то моя братва не утерпит, мигом расправится.

— Где достали? — не поняла сперва Вера Петровна.

— Достали и ладно, — засмеялся Женька. — Как же Новый год без угощения? Непременно надо иметь угощение на Новый год.

— Нехорошо, — покачала головой Вера Петровна, догадавшись, каким путем раздобыл Женька печенье.

— Нехорошо, конечно, — согласился он. — А Новый год без угощения это хорошо? Вот и гадай, что лучше.

— Лучше, когда честно. Забери это печенье, не буду его хранить.

— Это вы что, серьезно? И есть отказываетесь?

— Вполне серьезно. В жизни еще не ела ничего краденого. Так зачем же мне мараться, нарушать свое правило?

В горле у нее было сухо, язык царапался.

— Ладно, нам больше достанется, — пристынул Женька. — Жирный! Забирай пачки, суй в мешок! И если кто прикоснется до вечера, башку отвинчу!

— Дай, пожалуйста, водички, — попросила Вера Петровна.

Женька притащил кружку воды.

— Вы когда в детском доме были? — спросил он.

— С восемнадцатого по двадцать девятый год.

— Ого, как давно! Вам так много лет?

— Тридцать.

— С виду не скажешь, что такая старуха. Вы в Ленинграде в детдоме были?

— В Петергофе, под Ленинградом, — ответила Вера Петровна. — Александровский детский дом, потом переименовали в детский дом имени Третьего Интернационала.

— В Петергофе, наверное, жить интересно, — задумчиво сказал Женька. — Там, говорят, дворцов много. Цари жили. Верно?

— Жили там цари... Дворцы остались народу. А теперь, Женька, и дворцов не осталось. Фашисты проклятые взорвали.

— Гады паскудные, — выругался Женька. — Чем им дворцы помешали?.. Я думаю так: жадный человек всегда злится, когда видит у другого что-нибудь красивое. В Германию эти дворцы не украдешь. Значит, надо уничтожить... Только у них ничего не получится. Это мы временно отступили, да?

Окончание. См. «Костер» №№ 1, 2, 1974 г.

— Конечно, Женечка, ничего у них не получится. Если мы им помочь не будем.

— Как это мы им можем помочь?

— Дезертировать, например, трусить или народное добро разворовать... Принеси, пожалуйста, еще воды.

Он принес еще кружку.

— Что это с вами? Лицо-то какое красное.

— Простудилась, наверно.

— Не сыпняк? — деловито поинтересовался Женька. — Очень даже может быть.

— Нет, нет, что ты! Мне нельзя, чтобы сыпняк, тогда не доеду...

— Может, и простудилась, — успокоил Женька. Потом крикнул ребятам: — Огольцы, пошли на вокзал!

— Чего мы там еще забыли? — спросил Жирный.

— Печенье на место положить. И никаких разговоров! Мигом!

Разговоры все-таки были, и не очень приятные, но Женкин главарский авторитет был непоколебим, и вся компания высыпалась из вагона и отправилась на вокзал «класть на место».

А Вера Петровна лежала и мучилась вопросом, правильно ли она сделала, что лишила ребят угощения на Новый год, и какое она вообще имеет право интересоваться — что у них откуда появляется? Не вору же они в сущности, берут немного для еды, потому что голодные. Нет, решила она, вопроса тут быть не может. Я права. В детском доме голод был пострашнее нынешнего, но там всякое воровство каралось строжайшим образом, да его практически и не было, хотя все продукты лежали в незапертых кладовых и распределением ведали сами ребята... И несмотря на такие правильные мысли, она продолжала мучиться сознанием того, что оставила ребят без угощения — и когда же! — на Новый год.

Не зная еще, что она делает, Вера Петровна поднялась с нар, застегнулась и пошла к вокзалу, туда, где неподалеку от вокзального здания шумел базар. Продавали и покупали, кто что имел. Больше меняли. Вещи на продукты, вещи на вещи, продукты на вещи.

Она тысячный раз перебирала в памяти все свое имущество. Ничего такого, что можно было бы продать или обменять, она, казалось, не имела. Шинель, шапка, валенки — без всего этого не обойдешься... И вдруг ее осенило! Ремень! Прекрасный флотский почти новый кожаный ремень, широкий и блестящий, с толстой латунной бляхой, на которой изображены звезда и якорь. Радуюсь находке, быстро расстегнула под шинелью ремень, вытащила и, со смущением, но и с твердой решимостью перевесила его через руку. Сразу же подошел парень лет двадцати.

— Продаешь?

— Меняю, — сказала Вера Петровна.

— На что?

— Мне нужны шесть пачек печенья, — ответила она.

— Так продай, потом купи своего печенья, — возразил парень. — Сколько просишь?

— Мне нужны шесть пачек печенья, — повторила она. — Я не здешняя, не знаю, где что продается.

Минуты через три препирательств парень отцепился, обзавев ее дурой. Подходили и другие люди, спрашивали, удивлялись. Говорили, что за цену ремня она купит десять пачек печенья, надо только найти, у кого оно есть.

— Мне нужно шесть пачек печенья, — повторяла Вера Петровна как в бреду, потому что жар охватывал ее все сильнее и ноги слабели, а в голове мутилось.

Вдруг тот, первый парень, положил руку ей на плечо:

— Достал тебе шесть пачек, матрос! — сказал он. — Давай-ка ремень, если не раздумала.

— Спасибо, — сказала Вера Петровна.

Она отдала ремень, пришла к груди своих пачки и побрела к поезду. Теперь она уже не чувствовала себя виноватой перед мальчишками, у них будет угощение на Новый год. Кое-как забралась в вагон, с трудом залезла на свои нары, сунула пачки под сено и забылась сном.

Когда очнулась, шели вагона уже не светились. День померк. В степи бушевал ветер, завывал тоскливым воем. В вагоне появился фонарь и свечка к нему. Не было сил и желания ругать ребятшек еще и за эту кражу. Женька увидел, что она проснулась, все объяснил и растолковал:

— Мы этот фонарь с собой не возьмем. Он как был, так и останется во владении железной дороги.

Постепенно все мальчишки перебрались на ее с Женькой нары. Лежали, тихо переговариваясь, все ожидали гудков. Вдруг ребята завели бесшабашным хором жуткую песенку: «Вышли с дому два громалы — дзынь ля-ля!»

— Шабаш! — рявкнул Женька, и песня оборвалась. — Тоже мне блатные отыскались!

Вера Петровна опять попросила принести воды. В горле совсем пересохло. Руки стали мягкими и слабыми, как из ваты. Кружка дрожала. Край ее колотился о зубы.

— Не гудит машинист.

— Рано еще.

— Поспать надо, тогда скорее будет.

Двое мальчишек спустились вниз, пообросили в печку кока.

Вера Петровна подняла рукав. На покрасневшем запястье выступила сыпь.

— Сыпняк... — тихо сказал наблюдавший за ней Женька. — Эка не повезло вам. На две недели минимум...

— Отодвинься, заразишься, — попросила она.

— Еще чего! Сыпняка мы не видали, что ли? — Женька положил голову на руки и завыстал.

Она закрыла глаза. Две недели. Не хватало еще попасть в больницу. Нет, это не сыпняк. Простая простуда...

— У нас в детском доме в зале рояль стоял, — вдруг сказал Женька. — Только на нем не играли. Не умел никто.

— Женя, возьми здесь под сеном, — показала она на пачки с печеньем. — Будет вам угощение на Новый год...

— Это еще откуда? — заорал Женька. —

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Поезд монотонно постукивал на стыках рельсов. Слышно было, как завывает ветер в степи. Вера Петровна осталась одна. Ребята выпорхнули на короткой стоянке в Тюмени, насколько попрощавшись.

«Юные эгоисты, — думала она, — бросили больную женщину, черт с ней, как-нибудь доберется до своего Ишима, авось не околет...»

Она то засыпала, проваливаясь в наполненные тусклыми видениями пропасти, то, придя в себя, возвращалась в пустой, надоедливо скрипящий вагон. Спасибо, оставили рядом чайник с водой. Не раскрывая глаз, она протягивала руку к чайнику, пила из носика, со страхом думала о том, что вода когда-нибудь кончится.

Вода не кончалась. Чайник все время был полон. Она поняла это не сразу, а поняв, удивилась и подняла веки, ища глазами, кто же наполняет ей чайник.

В печке багровели угли. Рядом лежал на боку Женька.

— Ты не ушел? — сказала Вера Петровна.

— Да уж не ушел, — отозвался Женька.

— Жалко стало?

— Вроде того.

— Спасибо.

— Чего уж там, — махнул рукой Женька. — Прокачусь до Ишима, сдам вас в больницу — и обратно. Делов-то.

— Я еще выздоровею до Ишима, — сказала Вера Петровна. — Мне уже легче.

Ей и вправду стало сразу лучше, когда она увидела Женьку.

— Ну и хорошо, что легче, — сказал Женька. — Вот тут хлеб есть и конины кусок. Ешь-те-ка.

— Неохота, — помотала она головой.

— Надо есть, — настаивал Женька. — Без жарыты не выздоровеете. Если охота подольше поваляться, тогда голодайте. Михалка пождет.

Как не стыдно, матрос! Небось продала что-нибудь? А что у тебя было продать? Ремень!

— Да, ремень, — тихо сказала Вера Петровна.

— Глупая ты, как бублик! — заорал Женька. — Такой ремень!..

Послышался слабый гудок. Второй гудок был подлиннее, погромче. Третий завыл протяжно и с переливами. Мальчишки колотили палками по стенкам вагона. Они распахнули дверь и швыряли в степь багровые угли.

Потом вместе ели печенье и пили кипяток. Грызли это усохшее на складах довоенное печенье, хрустели им, сладеньким, как мышата.

Начался новый, 1942 год. Каким он будет?

— Тогда надо есть, — попыталась улыбнуться Вера Петровна.

— Вот именно, — кивнул Женька. — Давайте. С кипятком оно проскочит.

Женька согрел чайник.

— Хороший ты мальчик, — тихо сказала Вера Петровна.

— Нормальный, — отклонил он похвалу.

— Верно, — согласилась она. — Но если заглянуть глубже...

— Глубже мне некогда заглядывать, — перебил ее Женька. — Мне надо в жизни место искать, пристраиваться. Чтобы и другим не помешать, и себя не обидеть. Кто я сейчас такой? Бродяга я без места и адреса. Кому я могу что хорошее сделать? Да никому, потому что сам нищий и неустроенный, несчастный, можно сказать.

— Ты свое место найдешь, — сказала Вера Петровна.

Она попробовала улыбнуться, и щеки свела судорога. Пришлось растереть их руками.

Женька принес кипяток.

Она с трудом загнула в себя хлеб и кусок вареной конины. Эта пища не помогла ей, напротив, прибавила боли, беспокойства и лихорадки. Почему-то все мерещился вкус овсяной каши.

— Овсянки я хочу, а не конины, — просто-на-просто сказала Вера Петровна.

Она впала в забытие. Наверное, не раз в бреду поминала овес, потому что когда очунулась на следующей станции, Женька влезал в вагон, заперошенный снегом, с мешочком овса в руках.

Она не спросила, как он его получил. Догадывалась. Женька разварил овес до состояния густого клейстера, и она с наслаждением ела горячую, несоленую, но поразительно вкусную еду.

— Эге, — протянул Женька. — Вижу, дело на поправку идет.

На другой день она чувствовала себя почти здоровой. Попросила мальчишку отвернуться,

сняла шинель, вытряхнула тельняшку. Оде- лась и легла, радуясь, что болезнь уходит.

Миновал день, и еще день. Наутро поезд остано- вился у длинного деревянного барака.

Станция Ишим! — прочитал Женька вы- веску.

Загнав пещку, они выпрыгнули из вагона. Вокруг бушевала пурга, наметала к вокзаль- ному баряку пологие сугробы. Они забежали в вокзальное помещение. Посреди пустого за- ла грелся у железной печки старик в льсяей шапке с тремя ушами. Поздоровались.

— Дедушка, далеко ли отсюда до Усть-Иши- ма? — произнесла Вера Петровна наконец му- чавший ее вопрос.

Выражение лица старика стало еще более удивленным, когда он понял, что матрос го- ворит женским голосом.

— Баба, что ль? — спросил старик, чтобы удостовериться.

— Баба, — согласилась Вера Петровна. Слово уже не обижало. — Сколько отсюда до Усть-Ишима?

— До Усть-Ишима... Однако, двести пять- десят верст будет.

— А верста — это сколько километров? — полюбопытствовал Женька.

— Что твой километр, то и верста, — объ- яснил старик. — Верста, может, чуток подлин- нее будет.

— А как до Усть-Ишима сейчас добирают- ся? — спросила Вера Петровна.

Старик ухмыльнулся:

— Как раньше добирались, так и сейчас добраться можно. На лошади.

Женька спросил:

— А где ее отыскать, эту лошадь?

— Однако, у заезжого дома поинтересуй- ся, — сказал старик. — Приезжают которые мужики из Усть-Ишима. Привязать с собой в обрат, коли хорошо заплащать.

— А коли плохо заплащать? — печально улынулась Вера Петровна.

— Ну, а коли плохо, и за плохо отвежут, — пообещал старик. — Это вам не пассажирский вагон... Вы вот что, добрые люди, ступайте напрямком в город, найдите там заезжий дом...

Они обогнули вокзал, и завертела их лютая пурга, обжигая щеки морозом. Непонятно, от- куда взялись силы одолеть три километра до- роги до города. Наконец, достигли первых улиц, заваленных сугробами снега. Дома на этих улицах были в один и в два этажа.

Попалась навстречу люди, и сразу можно было отличить местных жителей от бедняг эвакуированных. Местные — в шубах, тудулах, полушубках, добротных сибирских пимах, варежках из собачьей шерсти-мохнатки. На но- гاه эвакуированных надеты были смехотвор- ные ботинки и резиновые боты, и не шли эти люди по улице, а бежали, стараясь поскорей одолеть свой мучительный от мороза путь.

Женька расспросил прохожих, где находит- ся заезжий дом.

Около здания, построенного из очень тол- стых бревен, стояли саин, запряженные мелко- рослыми лошадишками, которые жевали набро- санное на сугру сено. Часто хлопала ошашен- ная сильной пружиной дверь. Из помещения вырвались на мороз клубы пара. Они подня- лись на крыльцо, с трудом одолели дверь и по- пали в просторную и жаркую, шумную и за- дымяленную мажорчным куревом закускую. За столами сидели мужики в полушубках и шапках, ели сало и рыбу, заивали чаем. И на полу были мужики в полушубках — отды- хали. Через них аккуратно перешагивали.

— Сейчас обнаружим, кто тут из вашего Усть-Ишима, — сказал Женька и оставил ее у стены.

вели из Усть-Ишима мобилизованных на фронт. Завтра обратно поедут.

Вера Петровна поздоровалась, начала поли- тичный разговор.

— Может, вы знали в Усть-Ишиме мою ма- му? Савина Ольга Ивановна, в больнице санит- арской работала? Умерла потом от воспаления легких.

— Мы к больницам не причастны. — Голос дяди Василия гудел колокольной бронзой. — Болеет не имеем привычки. Вот ваши выковы- ренные, они да. Что ни день хворают.

— От климата, — объяснила Вера Петров- на.

— От клипкости здоровья и телосложения, — возразил дядя. — Значит, завтра по солнцы- ку и поехали. Вот что я тебе скажу напрямик, девушка: три сотенных готов.

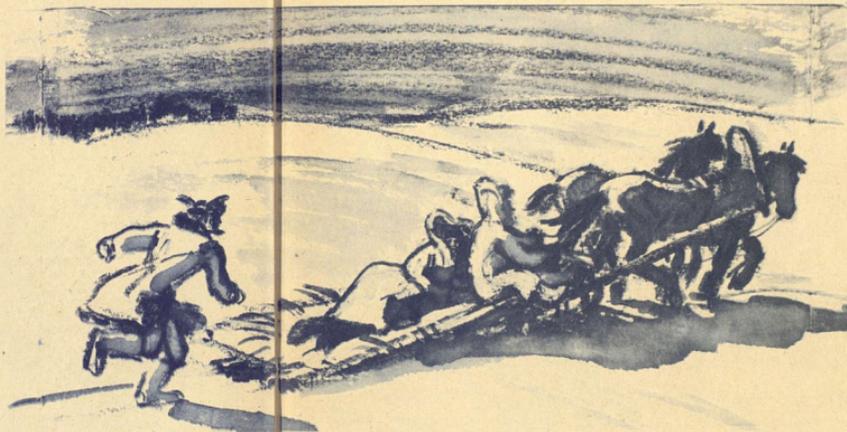
гом кончилась. Низко на западе висело oran- жевое солнце, сузя на завтра лютый мороз.

— Ну, теперь, почитай, доехали вы, Вера Петровна, — сказал Женька печально, как бы сожалея об этом.

— Дедушка, — отозвалась она тихо и обни- гла мальчишку, с которым сроднилась за эти немногие, такие важные в жизни дни. — Все не верилось, а вот видишь, доехала. Без иму- щества, без денег, через пол-России.

— Я ее, можно сказать, всю изъездила, от Кишинева до Хабаровска, — сказал Женька без хвастовства, для поддержки разговора. — Тоже никаких моноток не возил. Могу с вами в Усть-Ишим податься.

— Женецка! — воскликнула она и стала це- ловать мальчишку, не разбирая, где нос, где

Он ходил от столки к столки и, наконец, задержался. Помаял рукой Вера Петров- на. Она подошла к столки, где сидели двое боро- датых, краснотлих, распаренных едой и чаем. Полушубки их были распахнуты, лохмотые шапки отдыкали рядом на лавке.

— Это дядя Семен, а это дядя Василий, — представил ей мужиков Женька. — Вчера при-

— У меня столько нет, — смущенно прого- ворил дядя Василий. — Одна только сотен- ная и еще мелких на подсолтни.

— Что ж ты такая богатая? — покачал го- ловой дядя Василий. — Ну, не дергай шейку. Подвезем. Не бросать же тебе, флоскую...

Так что договорились. Вера Петровна и Женька вышли на улицу. Непогода как-то мн-

ещки. — Поедем вместе, будьешь мне сыном! Я тебя усноволю, после войны в Ленинград приедет все втроем, с Михалкой!

— Метание все это, — Женька звонко сплю- нул на сыпучий снег. — У вас уже есть один сын, большой и тому же. За каким фруктом вам вторая забота? Да откуда вы меня знае- те? Может, я вор, грабитель, может, по мой

личности три детколоники скучают? Может, я не Женька вовсе, а Федя или Василий?

Вера Петровна отрицательно покачала головой.

— Кто бы ты ни был, Женька или Василий. Я тебя лучше знаю, чем все детколоники. Поедем со мной, слышишь? Тебе будет хорошо, Женечка!

— Не расстраивайтесь, матрос, я — Женька и никто другой. Только я знаете чего не хочу? Не хочу никого смущать. Не хочу никого беспокоить. Я везде могу жить, где захочу.

— Незачем тебе жить «везде», — сказала Вера Петровна. — Не хочешь со мной — поезжай в Тюмень, как говорил. Выбери себе дорогу. Одну дорогу, а не все сразу. Учись. Ремеслу учись, науке учись. Много ли ты для людей сделаешь неученый да еще и «независимый»... Кого любишь, от того всегда зависишь.

— Вранье это, матрос, — Женька снова сплюнул. — Вот взял я — и ушел от вас. Счастливо вам доехать!

Женька повернулся на пятках и быстро пошел прочь.

— Ты хоть знаешь, когда поедь? — крикнула она вслед, чтобы хоть этой маленькой ничтожкой вопроса на секунду отдалить потерю.

— Мимо не пройдет, остановится!

Собрав силы, она догнала его, обняла за плечи:

— Последний раз: может, поедешь? Будешь мне сыном?

— Хватит вам... Не поеду.

Она прижала мальчишку к себе и поцеловала его чистое, доброе лицо.

— Еще чего, — пробормотал Женька. — Бывайте, матрос! Привет вашему Михалке.

И когда Женька скрылся за поворотом улицы, Вера Петровна вернулась обратно в заезжий дом. Она все еще была слаба после болезни. Выпила два стакана горячего чаю, отыскала вполне приличное, почти чистое место на полу у стены и улеглась. Погрузилась в сон мгновенно, но сон этот был чуток, и она просыпалась время от времени, зная, что надо взглянуть, на месте ли оба дядя, Семен и Василий.

Те угощались за столом до поздней ночи. А когда мужики легли около того же стола на полу, Вера Петровна успокоилась: никуда уже теперь до утра не денутся.

Ночью шум поприхих, воздух стал свежее. А часов с семи утра опять загалдел народ, опять потекли к потолку облака сизого махорочного дыма. Вера Петровна кое-как ополоснула лицо и руки у рукомойника, потом села на лавку около спящих своих возчиков. Словно ощутив на себе ее нетерпеливый взгляд, мужики зашевелились, зачесались, закашлялись, продали глаза.

— С добрым утром, — сказала Вера. — Солнышко уже встало.

— А, ленинградская, — признал ее дядя Василий. — А на дворе сегодня чего деесть?

— Минус сорок восемь, — сказала Вера Петровна. — Ветра нет.

— Это хорошо...

Мужики угостили Веру Петровну домашним хлебом и салом. Потом подались во двор к своим саням, запрямижав двумя худорослыми лошаденками. Умостившись в санях, Семен и Василий укутались в овчинные тулупы с большими, закрывающими голову воротниками.

Поехали!

Семь суток вокруг нее была вся степь да степь со снежными буграми, освещенная то медно-красным, то металлически холодным солнцем.

Попадались деревушки. На стене одного почтового отделения обнаружился ртутный термометр. Он показывал пятьдесят четыре градуса ниже нуля.

Мужики молчали, изредка кричали. Когда Вера Петровна совсем промерзала в своей не приспособленной для сибирского климата шинелишке, дядя Семен укутывал ее тулупом, а сам в полшубке бежал рысцой позади саней.

Она отогревалась под жаркой овчиной, оттаивало сердце, и голова опять полна была светлых мыслей про Михалку и про то, как кончится война и они вернутся домой в Петергоф...

Дядя Семен скоро уставал бежать, кидался в сани, тяжело, с хрипом дышал. Вера Петровна отдавала ему тулуп. Замерзнув, сама вылезала из саней, бежала по дороге, накатанной до блеска полозьями.

Миновали разбросанный по степи районный центр — село Сорokino. Стали попадаться кучки деревьев, потом перелески, рощицы. Наконец, началась настоящая сибирская тайга. По нырнувшей в лес дороге лошадедки бежали все медленнее. Часто не успевали к ночи добраться до деревни, ехали в промерзшей тьме, и Вера смотрела вверх, на звезды, потому что страшновато ей было смотреть в непроглядный мрак леса...

И вот как-то утром лошади заупрямялись, не пошли из деревни дальше. Казалось, мужики не слишком огорчились.

— Придется отдохнуть недельку, — приговаривал дядя Василий, осматривая копыта своих лошадедочек.

Председатель колхоза, у которого они ночевали и ели вкуснейший пирог с рыбой, согласно, улыбочно кивал.

— Не могу я ждать напрасно целую неделю! — всполошилась Вера Петровна.

— А ты и не жди, родная, — похлопал ее по плечу председатель. — Тут до другой деревни, до Сякина, двадцать верст по большаку. Ты молоденькая, быстро дотопаешь. А там тебя почта возьмет.

Ее вывели на большак, сунули под мышку завернутую в тряпицу буханку хлеба, помахали вслед руками.

«Двадцать километров, — подумала Вера Петровна, — чуть больше, чем от Кронштадта до Лисьего Носа, зато здесь не стреляют и нет ледяных торосов, дорога ровная. Часов через пять дойду. Не сидеть же в той деревне неделю, пока мужики будут кумовать со своим дручком... Нельзя ждать — ведь так близко Михалка!»

Шла она быстро и не ощущала мороза. Только соломенная подстилка в валенках сбилась, с каждым шагом сотни иголок впивались ей в ступни. Тихо ругнувшись, она сняла валенки, запахала их в карманы шинели и побежала по снегу в чулках.

Короткий зимний день кончался. Солнце ушло за деревья. Она бежала, переходя на шаг, когда бежать становилось неважно.

Встретился человек с ружьем на плече. Сказал, что на Сякино идет она правильно, да по ночам здесь рыскают волки.

— А валенки надень непременно, — сказал

человек. — Пусть хоть ноги развалятся. Иначе тебе их завтра хирург отрежет.

Она надела валенки и бежала по твердому снегу, как по раскаленным углям. Последние силы оставляли ее. Чудились волки. В лунном свете она увидела целую стаю, остановилась с бешено бьющимся сердцем. Приглядевшись, разобрала, что это стога сена. Значит, близко человеческое жилье. Бежать она уже не могла, едва ковлялась на подгибающихся ногах.

Показались огороды. Поднялся лай. Остервенело лаяли и выли голодные, замерзшие псы. Вера Петровна доковыляла до первой избы и стала стучать в окна. Никто не отзывался, изба как вымершая. Она села на приступочку у двери. Начала медленно, приятно засыпать и услышала сквозь сон, как глухо лязгает железо засова. Заставила себя подняться. Дверь раскрылась. Она сделала шаг и повалилась в сени. Чувствовала, как ее раздевают и растраивают, и совсем очулась, когда влили ей в рот горячего молока. Расспрашивать ни о чем не стали, положили ее на печь спать, рядом с безмолвной костлявой старухой.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Вера Петровна проспала до половины дня, и когда раскрыла глаза, никого рядом с ней не было. Она выглянула с печи. Русый широкоплечий мужик стоял лицом к окну, а к нему жались семеро ребятшек, как

говорят, мал мала меньше. Хозяйка хлопотала у печи, пекла хлебцы. Старуха сидела на лавке, изредка утирая глаза концом платка. Вера Петровна спустилась с печи и охнула. Потертые ступни жестоко болели. Под колени будто впивались ножи.

Хозяин обернулся на ее голос. В крупных, резких чертах его лица была спокойная отрешенность от повседневных забот. Казалось, он думает о чем-то далеком и не имеющем никакого отношения к этой низкой избе, детнщкам, согбенной старухе и хлопочущей у печи жене.

Вера Петровна не выдержала его спокойного взгляда, отвела глаза, сказала:

— Спасибо, что отогрели. Совсем было погибла.

— А вы куда направляетесь, девушка? — спросил хозяин. — Вчера из вас слова не вытащить было.

— В Усть-Ишим мне надо, — ответила она.

Ее пригласили за стол. Утолив первый голод, Вера Петровна рассказала, как добиралась от Ленинграда до этого малого, затерявшегося при сибирской дороге села Сякино. Слушали ее внимательно, кивали головами.

— Дядя Василий сказал мне, что отсюда на Усть-Ишим почта ходит, — произнесла она с восторгом.

Все сразу опустили глаза. Жена, ломая в пальцах корку, сказала:

— На войну сегодня отправляем почтально-нашего. Там он нужнее, говорят...

В горле у старухи опять заклокотало. Она прижала к глазам платок.

— Ну, будет, мама, — тихо сказал хозяин. — А вы, Вера Петровна, не беспокойтесь и не отчаивайтесь. Со мной почта не прекращается. Гришка вас доведет. Он ноне вместо меня хозяйничать станет.

— Довежу, — серьезно сказал мальчик лет тринадцати.

Вышли на улицу. Гришка запряг лошадь, такую же мохнатую и малорослую, как лошади дяди Василия. Уместил брезентовые мешки с почтой в угол корзинного короба, набросал сена. Заботливо усадил Веру Петровну, потом сел сам. Тронул лошадку.

Яркое солнце совсем не грело, но от его сияния на душе становилось словно теплее. Думалось ей, что остается каких-нибудь полсотни километров пути, и наконец увидится она с Михалкой, и не могла она ни дремать, ни разглядывать окрестности, ни думать о чем-то другом... Маленькая лошадка бежала споро, игриво. Днем в высокой тайге было не страшно. Стаями носились крикливые сороки, осыпая снег с раскидистых кедров.

Но короток зимний день. Стемнело, и над тайгой взошла большая желтая луна. Поднимаясь в высоту, она уменьшалась, белела, и все бежала за ними, обгоняя тучи. А туч эти становились все больше, и вот они заслонили луну. Стало совсем темно, и пропала дорога. Из большой тучи, покрывшей все небо, повалил снег. Лошадка сбивалась с пути, по брюху проваливалась в сугробы. Скоро она совсем остановилась.

— Беда, — сказал Гриша и пошел искать дорогу сам.

Метель крутилась и выла.

Вернулся Гриша, и непонятно было, каким это чудом он не заплутался в крошечном снеговороте.

— Нетуте дороги, — сказал он. — Однако, придется переждать до утра. Небось не замерзнем с тулопом...

— Давай садись рядом, под бок, — сказала Вера Петровна.

Они прижались друг к другу под тулопом, спрятали от ветра лицо. Порой Гриша шевелился, подбавлял лошадку ласковым словом. Так прошло много часов. Лошадка и короб с людьми превратились в большой сугроб. А Вера Петровна дремала, не тревожась, не испытывая страха. Было в ней ощущение, что минует ее и эта беда, и надо только уметь спокойно, бестрепетно ждать.

Когда Гриша разбудил ее, луна снова сияла на чистом небе. Вера Петровна вылезла из-под тулупа, отряхнула снег.

— Знаете, где мы? — спросил Гриша с улыбочкой. — На самом кладбище. Вот куда завезла, лохматая.

Она осмотрелась, увидела торчащие кое-где из-под сена кончики крестов.

— Невеселое место, — пожелилась Вера Петровна. Она вспомнила, что где-то здесь лежит мама...

— Ничего, главное, что теперь дорогу знаю, — сказал Гриша.

Вскоре показались изгороди, потом избы села Усть-Ишим. Ни единого огонька не было в окнах. Лошадка вытащила сани на длинную, протянувшуюся вдоль берега замерзшей реки улицу.

— Однако, к почте сперва поедет? — спросил Гриша.

— Да, да, — сказала Вера Петровна. От волнения у нее постукивали зубы.

— Там скажут, где дом библиотекаря, — сказал Гриша. — И почту сдадим одним разом.

Лошадка привычно остановилась у двухэтажного дома. В первом этаже тускло светило окошко.

Они зашли в жарко натопленную комнату. Дремавшая за столом женщина подняла голову.

— Гришутка? Почему один приехал, что с отцом?

— На войну его забирают, Настасья Осиповна, — сказал Гриша.

Потом, когда перетаскали в помещение мешки с почтой, Настасья Осиповна спросила:

— Жалко папу, Гриша?

— Тут просто не скажешь, — ответил мальчик, подумав. — Если будешь жалеть да гонять, значит, предполагаешь, что его могут там убить. А я не думаю, что его на войне убьют. Его не убьют, он сам немцев убивать будет и с победой вернется. Да и... у всех ребят отцы на фронте.

— Молодые вы еще, бессердечные, — вздохнула Настасья Осиповна. — А вы вроде бы эвакуированная? — обратила она внимание на Веру Петровну.

— Вроде бы, — сказала Вера Петровна. — Из Ленинграда приехала. Моя фамилия Савина. Может, вы слышали, здесь жила Савина Ольга Ивановна с внуком? Похоронили ее в октябре. Я ее дочь, Михалкина мама...

— Помню такую, — кивнула Настасья Осиповна. — У библиотекаря жила, Ивана Лазаревича. Мальчик и сейчас у него.

— Как он? — подалась к ней Вера Петровна. — Здоров?

— Не знаю, — покачала головой Настасья Осиповна. — Незаметный он мальчик, ничего о нем не говорят у нас на селе. Разговоры ведь

о ком — о безобразниках. Вы радуйтесь, что о нем не говорят.

— Почему же не поговорить и о хорошем? — удивилась Вера Петровна.

— Говорят о том, что болит, — пояснила Настасья Осиповна. — А хороший человек — кому он мешает? О нем и говорить нечего, все как полагается, как должно быть.

— Скажите, где дом библиотекаря?

— На Советской, в конце. Третий дом от селъю. У него ставни белые, сразу отличите.

Вера Петровна попрощалась и пошла по нескончаемой Советской улице, невольно ускоряя шаг. Увидела вывеску магазина, освещенную тусклым фонарем. Отсчитала три дома. Ставни в этом третьем доме отливали перламутром в лунном свете.

Она поднялась на крыльцо, и вдруг предательски обмякли ноги, а заколотившееся сердце готово было выскочить из горла. Она чувствовала, что вот-вот разрыдается. Набрала полные горсти снега и стала сильно тереть пылающее лицо. Это немного успокоило. Она потучала, приготовившись долго ждать в ночи. Но почти сразу раздался голос из-за двери:

— Кто?

— Савина, — ответила Вера Петровна.

— Сейчас, сейчас...

Загремело железо, дверь распахнулась, и Вера Петровна шагнула в темноту сеней. Ее взяли под руку и провели в комнату.

— Здравствуйте, Иван Лазаревич, — проговорила она, улыбаясь сквозь слезы. — Вот я и добралась.

Внутри дом был обставлен по-городскому, и даже те полки с книгами, которые однажды пригрезились ей, стояли вдоль стен. Русская печь замаскирована была многоцветной росписью.

— Раздевайтесь, — сказал Иван Лазаревич и растерянно подвинул тяжелый стул. — Вы будете ужинать или сперва горячего чайку?

Она смотрела наверх и искала обычные в сибирских домах полати. Но их не было.

— Мы слушаем сводки по радио, — говорил Иван Лазаревич. — Передают, что ледовая дорога через Ладожское озеро работает бесперебойно. В Ленинграде уже увеличили хлебный паек. Похоже, что очень скоро немцев отгонят от города. Мы каждый день ждали вас, Вера Петровна.

— Я вылетела на самолете, — сказала она. — Тридцать девять дней тому назад.

— Да, эти ужасные лишения... — библиотекарь потер выпуклый лысый лоб. — Лихие времена, небывалые испытания. Россия потрясена, но держится, стоит. Она выстоит. Уже отогнали его от Москвы. Видите, Наполеона из него не получилось. Скоро мы наберем силы и тогда...

— Где Михалка? — не выдержала Вера Петровна.

— Миша? Миша здесь, с Мишей все хорошо, только очень тосковал. Теперь он воспрянет духом, — торопливо ответил Иван Лазаревич. — Только вы снимите, пожалуйста, верхнее платье.

Вера Петровна сняла шинель и платок, осталась в кителе и в матросских брюках. Спыхватившись, сняла валенки.

— Где он? — снова спросила Вера Петровна.

Иван Лазаревич деликатно взял ее за руку и подвел к ситцевой занавеске, опускаясь от потолка до самого пола. Он отодвинул занавеску, и сразу увидела она кровать и стоптанные тапочки на полу. Она стала на колени. Увидела в сумраке бледное исхудавшее лицо сына. Он спал, как она его учила, положив правую руку под щеку, а левую поверх одеяла. Она слышала, как тикают ходики, как громко дышит стоящий позади Иван Лазаревич. Прикоснувшись губами к расслабленной руке Михалки, и рука дрогнула.

— Разбудить надо, — сказал библиотекарь. — Не надо. Пусть поспит. Я еще немного потерплю.

Вера Петровна поднялась с колен, подошла к Ивану Лазаревичу и тихо сказала, улыбаясь: — Дайте, пожалуйста, чаю. Насквозь промерзла в санях.

— Какая у вас улыбка, ах, какая у вас улыбка, — бормотал Иван Лазаревич, не двигаясь с места. — Как это вы способны — после такого страдания, после трагедии вашего города... — Он запнулся. — Нет, нет... Что за глупые мысли. Разве может кто-нибудь одолеть нашу Россию, такую нашу Россию! Только сумасшедший, только полный невежда может поднять на нас меч. Я никогда так не веровал в победу, как сейчас, Вера Петровна. Такая улыбка, ах, какая у вас улыбка!.. Пойдемте пить чай. Скоро будут передавать утреннюю сводку.

К О Н Е Ц

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ № 1 — 1974 г.

1. Загадка Хуссейна — «Водонос с кувшином на голове идет по мосту через арык». 2. Задача Гнома: 15 парней съедят 15 оушек за 7 дней (каждый съедает оушка за 7 дней). 3. Загадка Демьяши: леди не вымокли, потому что не было дождя.

4. Задача Сиволапыча: щегол остался в клетке, потому что птицелов подарил его соседке вместе с клеткой.

Кроссворд «По часовой стрелке»: 1. Клин. 2. Луза. 3. Азия. 4. Ялта. 5. Соци. 6. Васа. 7. Сава. 8. Сакс. 9. Афон. 10. Нара. 11. Аран. 12. Иран. 13. Вена. 14. Иван. 15. Знак. 16. Кама.

С ФОТОАППАРАТОМ

Спелеология — это наука, изучающая пещеры. Ведь там, в глубине, в темном загадочном мире, многое происходит не так, как у нас на поверхности, при свете солнечных лучей. Другие образуются минеральные жемчужины растения и животные, даже состав воздуха может быть непохожим. Важна спелеология и в народному хозяйству: Запасы и направление подземных вод, глубину пластов различных пород приносит спелеология на свои специальные карты. В. Н. Танасиичу не просто ученый-спелеолог. Он еще и чемпион по подземной фотографии. В пещерах при свечах и лампе-карбиде, он сумел сделать такие фотографии, какие до него вряд ли кому удавалось получить. За эти фотографии на международной фотовыставке В. Н. Танасиичу была вручена Большая серебряная медаль.

Просиялся сразу — как будто кто-то позвал. Темнота, только далеко вверх, в стороне хода, сероватое пятнышко света. Значит, уже день. Мои часы, забытые кызылкумской пылью, давно лежат в кармане рюкзака: да и к чему они под землей? Лишь бы не сбиться с счета дней.

Пещера огромна и запутана, ее длина приближается к четырем километрам. Гигантская осыпь, в углке которой я расположился лагерь, ведет на глубины десят метров — и там начинается сложный лабиринт запов и ходов.

Откручиваю вентиль карбидки. Огонек разгорается, из темноты выплывает уходящая

авверх отвесная стена, нагруженная скальных блоков. Небольшая площадка моего лагеря — чуть ли не единственное ровное место в этом каменном хаосе. Сейчас я не очень четко представляю, как вчера тащил среди этих глыб пятидесятикилограммовый рюкзак с аппаратурой, водой, провизией и карбидом.

Плотно набиваю маленький рюкзак. Два фотоаппарата — с цветной и черно-белой пленкой, горный компас, спички, свечи, батарейки, сверток с карбидом, сахар, пробирики, фляжки, кусок хлеба, еще раз спички, пленка... Сверху подвязываю два маленьких штатива. Заливаю воду в резервуар карбидки; на шаю вешаю фонарик. Кажется, ничего не забыл.

Осторожно спускаюсь по пыльным каменным глыбам — между ними провалы. Потолок уходит вверх, впереди — огромная арка, за ней — широкий зал, даже не зал, а пустое пространство, стен не видно. Направо чернеет вход, и туда бежит, хотя и неясная, но все же тропинка. По ней попадаю в заколдованный лес.

Он бесконечен и дремуч. Переливается ледяными огнями, топчется юбочные влоные лапы, белый сверкающий иней покрывает землю. Лежат заповорошенные снегом стволы, тор-

ПОД ЗЕМЛЕЙ

В. Танасиичук

Фото автора

чат белые пни — странные, полая внутри, свисают сверху гравеные сосульки.

Тишина абсолютная, как никогда не бывает на земле. Пещерная тишина. От зимней близны невольно становится прохладно, хотя вокруг не снег и не лед, а кристаллы гипса, и температура здесь зимой и летом одна и та же — около двадцати градусов тепла.

Карлюкская пещера возникла совсем не так, как большинство карстовых пещер. Она лежит в толще нерастворимых пород, а гипс, который образует причудливые деревья, цветы и люстры, когда-то располагался гораздо выше, и слой его был огромн — несколько сот метров. Но шло время, росли горы, молистые слои основной породы трескались и разламывались от землетрясений; возникли подземные пустоты. А гипс размылся дождями, и насыщенная им вода стекла вниз по трещинам, отставалась в подземных коридорах, и гипс выпадал из раствора, покрывая стены и потолки сверкающими, как снег, кристаллами. Потом климат изменился, стал лучше — вода начала уходить.

Тысячелетия капли и струйки воды стекали со свода, заворачивая отдалку пещеры. А потом робко и осторожно вошел сюда первый человек, высоко подняв над голо-

вой пылающий факел — так же, как сейчас я поднимаю вверх карбидку.

Постепенно тропа исчезает, и я оказываюсь в центре сложного переплетения ходов. Над головой серая скала, с которой давно уже осыпалась гипсовая корка.

Куда идти!

Достаю компас. В его футляре — сложенный во много раз план пещеры. Его сделал несколько лет назад московские спелеологи. В него вложен огромный труд — это может понять только тот, кому приходилось самому вести такую съемку, протаскивая мерную веревку через щели и дыры, делая засечки по огню свечи и записывая отсчеты измазанными в глине пальцами.

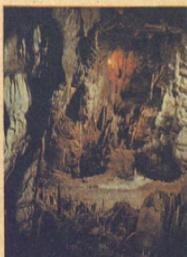
Налево коридор, заглядывая в него. Нахожу на стене заросли цветов, но не очень интересные, и возвращаюсь. Ухода — какой-то большой напль на полу. Случайный поворот света — и перед мной возникает гипсовый кенгуру. Присев на задние лапы, животное подняло голову и отстояло длинные уши; кенгуру искривилась большими кристаллами, а поза его настольно жива, что хочется поглядеть зверя или покорить его.

А вот от стены отделилось огромное существо с покаты

спинной, мощными колоннами-ногами, длинной вытянутой шей и маленькой свиной хвостиком. Освети я этого зверя с другой стороны, мог бы просто пройти мимо, ничего не заметив! Шея каменного чудовища вытянута, как будто оно к чему-то присматривается. Да ведь оно хочет понохать свечу! Я поставил ее перед зверем — как будто движение прошло по телу, и на мгновение мне показалось, что гипсовый щер оживает.

Пещерные тоннели заполнены мавританскими башенками, решетчатыми воротами и огромными белыми кипарисами, уходящими в густую темноту. Местами белзна стон оксвернена. Огромные, черные, корявые буквы вешают, что здесь были Ыскат Таштемиров и Ф. Скандобов. Все дни, что я

бродил под землей, эти фамилии преследовали меня. Они — без преувеличений — сотни раз повторялись на стенах, изумляя дремучей, тупой старательностью их владельцев.

Но бывали в Карлюке и другие люди; их записки — как пожатие теплой руки, и когда я находил их, совсем не так уж одиноко казалось в пещере.

В одном из дальних коридоров на скальной полке тетрадь — целая «домовая книга», с десятками фамилий, стихами, шутками, а рядом — карандаш. Приселся в этой книге и я.

Когда добрался до лагеря — наверху, на моих «часах» у входа не было ни проблеска света. Но десять ли это вечера или четыре утра — я так и не узнал.

Снова утро. Промокшая от пота рубаха, повешенная вчера сушиться, по-прежнему мокра. Влажность близка к ста процентам. Хорошо еще, что тепло. В крымских пещерах, где температура редко превышает пять-семь градусов, я бы уже давно стучал зубами.

Позавтракав, с пробирками и пинцетом в кармане брожу по скользким и влажным глыбам. Но мне упорно не везет. Карлюк очень беден жизнью. Живые существа встречаются только на гигантской привходовой осыпи. Ближе ко входу гнездятся голуби, на сводах нижней части спуска — летучие мыши.

Но в конце концов мне улыбнулась удача. Я лез через скалы недалеко от лагеря и увидел — по камню бежит жук. Темно-коричневый, почти черный, со странными желобчатыми надкрыльями, покрытый редкими, тонкими и нежными волосками. Когда я поднес фонарик поближе — жук помчался рывком, пытается скрыться от ненавистного света, но было поздно, через секунду он уже сидел в пробирке. Вскоре туда попал и второй. (В Ленинграде их определили: это оказались довольно редкие чертолелки из рода лептодес, обитатели трещин в скалах, нор и пещер).

Затем я нашел еще что-то, и хотя об этом «что-то» читал и слышал раньше — находка все равно была неожиданной и радостной.

А случилось это так. Серо-желтые камушки, раскиданные повсюду, были того же цвета, что огромные глыбы. Они не привлекали внимания, пока я не увидел на одном из них волнистую полоску. Поднес карбидку — и на переливающемся, как муаровая лента, изломе возникли нежные, паутиннотонкие слои. Медовые, почти красные тона сложнейшей гаммой переходят к белому. На другом обломке зеленовато-белые полосы чередуются с серыми, розоватыми, янтарными.

Это был мраморный оникс, камень таинственный и великолепный. Он добывается у нас в Закавказье, но геологи и геохимики давно уже были убеждены, что есть он и в Средней Азии. Ведь добывали же его во времена Тимура — им украшен внутри мавзолей Гур-Эмир, где похоронен завоеватель. Но где месторождения этого минерала? Никто не мог предполагать, что огромные, бесформенные глыбы известняка в привходовой части Карлюка одеты толстой коркой мраморного оникса. Покрытый слоем окислов, оникс был незаметен, пока однажды кто-то не взял молоток и не отколот камень... В пещере Кап-Котан, или Новый Карлюк, найденной Султа-

ном Ялкановым, ведется теперь промышленная разработка оникса.

То разгораясь, то пригасая, поспытывает карбидка. Хмурые скалы озаряются светом фотовышки: я снимаю обзолотые глыбы оникса. Давно погасло пятно сверху «часы» мои показывают ночь.

Перед сном — приготовления к завтрашней работе и бесконечные поиски. Нигде вещи не теряются так, как в пещере! Ищешь, например, запасные лампочки; перерываешь весь рюкзац, все карманы, все корбки, а они лежат рядом, под самой карбидкой, — в глубокой тени.

И еще одно свойство пещеры. Все делается как при замедленной киносъемке; на самое простое дело уходит втрое больше времени, чем на поверхности. И даже мысли, кажется, плетутся медленно и неторопливо. Пусть ты уже привык к темноте, и она тебя больше не беспокоит, но она влияет на твой организм, делая тебя медлительным и нерешительным. У темноты много хитростей и секретов, здесь постоянно надо быть настрожене...

Вчера вечером выпил последнюю флягу. Складываю в рюкзак гору бутылок — приннесенных с собой и найденных в пещере. Придется потерять полдня, но что делать? Надо подниматься наверх — идти за водой.

Снаружи воздух обжигает лицо, глаза болят от непривычного света.

Солнце, увы, уже высоко. Быстро спускаюсь к ферме, до нее километров пять-шесть.

Глинобитные помещения для скота, заросший тростником ручей, несколько юрт. Навстречу выбегают дети и женщины и приглашают отдохнуть.

Расстилается пестрый платок — дастархан, и на нем возникают всякие вкусные вещи. Сначала — кислое молоко с

лепешкой. Потом жареное мясо. Потом чай — бесконечное количество пил зеленого чая. Снова мясо. Опять чай. Хозяйки жалостливо покачивают головами, видя мой аппетит.

Только после полудня, по самой жаре, я поволок в пещеру свои бутылки и флаги, наполненные холодной и чистой родниковой водой.

Немного передохнув, отправляюсь на съемку.

Выбираю группу «деревьев» живописнее, закрепляю шативы фотоаппаратов.

Начинается самое главное. Выключаю фонарь. Теперь я могу безбоязненно проходить перед объективом — для него я невидим. Укрываюсь за огромным белым «пнем», готовлю вспышку. Еще и еще освещаю зал.

Перехожу ближе к аппаратам. Метрах в четырех перед ними — огромная белая колонна. Становлюсь между ней и аппаратом, направляю на нее рефлектор. Всплеск света. Все. Закрыт затвор. И если я ничего не упустил, то на фоне вычурных белоснежных укладок в кадре окажется силуэт человека. Как-то, снимая большую зал в одной из крымских пещер, я использовал тот же фокус и насылил снимок десятками привидений.

Потом я иду в большой зал, где обитает гипсовый ящер. Тропа, петляя между каменных елей, ведет круто вниз. Одна елочка выбежала на ровное место и очень эффектно рисуется на фоне темноты. Совсем новогодняя, не хватает только свечей и игрушек. А что, если?..

Доस्ता нож и режу свои свечи на коротёнки — в сантиметр — обрубочки. Через несколько минут елка залита теплым розовым светом.

Съемка требует терпения: батарейки садятся, променятки между вспышками доходят до нескольких минут. И тишина, бесконечная и абсолютная. И время от времени — странный шелест, как будто проно-

сящий по залу. Когда я услышал его в первый раз, решил — вот началась чертовщина! Сначала слышишь шорохи, потом начинаешь их видеть, а потом тобой интересуются психиатры. Но шелест повторялся раз за разом, и совсем не тогда, когда я вслушивался в тишину, а во время работы. В чем его секрет — не знаю до сих пор.

Что же касается чертовщины, то в конце концов началась и она. Я сидел на обломке сталагмита посредине широкой и пустой площадки и писал, посвящая себе фонариком, когда почувствовал, что кто-то на меня смотрит. Подумал — «кто за чепуха!», но в конце концов не выдержал и оглянулся. В двух шагах за моей спиной стоял гипсовый столбик, похожий на сгорбленного человечка, и заглядывал мне через плечо. Я готов был полклясться, что, когда садился, его тут не было.

Конечно, если работаешь в пещере один — нервы ведут себя не совсем так, как положено. Все время ты напряжен и сосредоточен, ведь опасность может возникнуть только по твоей собственной вине. Спелеологические правила просто-напросто запрещают уходить под землю меньше чем вчетвером. Но это касается спорта, а не исследовательской работы. Нам, зоологам, в своих экспедициях приходится работать в одиночку порой целыми неделями. И когда за плечами добрый десяток экспедиционных лет — пожалуй, не так уж опасно одному спуститься под землю и работать в пещере, имея ее план, зная, что не случается в ней ни обвалов, ни наводнений, а самое главное, предупредив друзей — куда и на сколько времени уходишь.

И вот я добираюсь до самых дальних участков пещеры. Приходится проползать через узкие щели, карабкаться по

глыбам, покрытым тысячами острых шипов. Тяжелый воздух, кажется, осыпая; свитер липнет к телу. Все чаще лежу и отдыхаю. Но карбидка горит ярко, значит, в воздухе нет углекислого газа.

На стенах все чаще появляются витые кристаллы, похожие на стружки. Это гелекиты, пещерные цветы.

Взянув вперед руку с фонариком, я вижу, как блещут россыпи драгоценностей, завиваются тончайшие гипсовые волоски, образуя перья, кружева, ажурные сетки. Топорщатся пучками шупалец крохотные каменные актинии. неподвижно застыли веточки кораллов. А рядом — огромные зеркальные грани кристаллов, в которых отражается мое лицо. Но вся эта ажурная красота настолько хрупка, что трогать ее невозможно.

Как-то крымские спелеологи пытались вынести из пещеры причудливый спиральный гелекит; если бы это удалось, он занял бы почетное место в музее. Поднимаясь по тросовым лестницам, гелекит несли в губах. Но в нескольких шагах за выходом ударил порыв ветра — и каменная пружинка рассыпалась...

Доस्ता аппараты. Это единственный способ унести отсюда хоть частичку колдовского величия.

В поисках и находках прошло четыре дня. Когда снова кончилась вода, я двинулся наверх. Славшие на уступах голуби испуганно шаркались от света моего фонаря.

И вот — низкий, наивысший выход и за ним звезды.

Теплый ветер гладит волосы, по горизонту рассыпаны огоньки кишлаков, а наверху огромным фонарем висит луна. Никогда не любил я спать при лунном свете, бьющем в лицо, но в эту ночь он был удивительно приятен. И так просто и легко было лежать под открытым небом и прислушиваться к далеким ночным звукам.

ДЕВОЧКА И МОРЕ

РАССКАЗ

Михаил Дудин

Рисунок Т. Оболенской

Я долго вглядывался в море, потом повернулся головой к дюнам и увидел ее вьющиеся легкие волосы, голубое платьице, заправленное в белые, отороченные синим кантиком трусики, и тоненькие ножки, обутое в кеды. Она стояла на самом гребне дюны, держась за сухие стебли высокой кустистой травы:

Она смотрела в море.
Она еще ничего в нем не могла видеть такого, что умели видеть мы с дядей Вилем.
Она видела только легкую синюю зыбь до самого горизонта и нестерпимый блеск рассыпанных в ленивой волне золотых колец солнца.
Она улыбалась и глазами и ртом, я даже ви-

дел два ее верхних зуба и щелочку между ними.

Она смотрела в море.

Она была маленькая.

Море было большое.

Она увидела его в первый раз.

Оно заполнило ее всю, и она оставила первый свой отпечаток в памяти моря, когда, подпрыгнув на тонких ножках, кубарем скатилась к береговой кромке мокрого песка с округлой линией высыхающей на глазах пены и, вскинув вверх руки, крикнула:

— Здравствуй!

Это она поздоровалась с морем.

Так делали и мы с дядей Вилем каждое утро, с тем же благоговением, что и она, только молча.

Мы это делали потому, что утро, каким бы оно ни было — солнечным или пасмурным, тихим или ветренным, все равно всегда прекрасно уже потому, что оно утро, — конец ночи и начало дня.

Она поздоровалась с морем и проскакала на одной ноге по пенной кромке берега и очутилась незаметно для себя передо мной, увидела меня и застыла, а потом в ней сработала какая-то пружинка, заставившая ее снова подпрыгнуть и снова сказать «здравствуйте», на этот раз мне.

Так мы и познакомились.

Потом пришел дядя Виль, и она, к моему огорчению, стала с ним разговаривать, как со старым знакомым, совсем позабыв о том, что я увидел ее первым.

Жизнь наша с этого дня приобрела какой-то новый смысл, определенность. У нас как бы появилась реальная цель живых человеческих забот, и запасы нашей нерастроченной нежности нашли постоянный и отрадный исход.

Дядя Виль совсем преобразился, он завел девочку на катер и дал ей подержаться за рулевое колесо и примерить свою парадную моряцкую фуражку с белым верхом и с серебряной «капустой» над лаковым козырьком, и, когда она накрывала этой фуражкой свои золотистые легкие волосы, от нее остался только тонкий смех и тонкий голос:

— Здесь темно!

И мы втроем засмеялись.

И всем нам было так хорошо на этом свете.

Потом пришел ее отец, тощий молодой человек с усиками, стойко не сгибающийся под тяжестью четырех фотоаппаратов.

— Она тут вам не очень мешает?

И в самом этом вопросе, вернее, в его тоне, сквозила отцовская гордость; дескать, она у меня воспитанная. Он оказался приятным и не назойливым парнем.

Он был фотографом и приехал снимать чаек; в том заполярном городе, где он живет со своей дочкой, нет чаек и вообще нет никаких птиц, вот он и устраивает там свои фотовыставки,

посвященные птицам, разъезжает по всей стране и снимает.

Он нам приглянулся. И мне и дяде Вилю, и мы решили взять его и девочку в завтрашний рейс.

Этот рейс был самым прекрасным рейсом «Ласточки». И все-то нам удавалось в то утро, и, как на заказ, в одну из сетей вместе с салакой попали три порядочных судака, а ерши и окуни у нас были в садке, значит, можно по возвращении сварить тройную рыбацкую уху.

Когда мы шли обратным рейсом, дядя Виль выжимал из старого мотора «Ласточки» почти крейсерскую скорость, а я то и дело подбрасывал в воздух сонную салаку, чтобы привлечь побольше крикливого чаячьего народа для съемок. И откуда столько их налетело, наверное, со всей Балтики они слетались к нашему катеру, и белый вихрь, и свист рассекающих воздух крыльев, и дикий крик сопровождали нас до самого берега.

Они, как бестии, вырывали салаку прямо из рук девочки, и она смеялась и кричала от радости, а ее папа щелкал поочередно из всех своих четырех аппаратов и прямо-таки ахал от удивления.

Так мы и подошли к причалу, окруженные гвалтом и бьющим фейерверком хлопающих и скользящих на утреннем солнце крыльях.

И уха мне удалась на славу. Дядя Виль два раза требовал добавки. И девочка вместе со своим отцом тоже ела с удовольствием, а море играло, звеня золотыми кольцами, и ажурная сеть светотени скользила по ослепительно белому песку, и вокруг нас пел и сверкал белым оперением мир радости и удивления.

Потом мы сошли на берег, и тут случилась эта история с черным береговым страижом.

Как он умудрился попасть в этот чайный базар, я и представить себе не могу! Обыкновенно они летают выше и с такой скоростью, что их никакая чайка не догонит, а тут то ли он сплховал, то ли наскочил на чайку и потерял скорость, и чайки ринулись за ним, и он каким-то чудом вывернулся из этой бучи и прилип к голубенькой кофточке девочки. Она сразу взяла его в ладошки, и он не сопротивлялся, считая ладошки единственной своей защитой от этого столпотворения.

Она стояла посредине чаячьего визга и винтового кружения воздуха, рассекаемого крыльями, прижимая черного стража к груди и чувствуя его дикое сердцебиение.

Она поднесла его на уровень рта и, не обращая внимания на крики и толчею чаек, стала его рассматривать. Она всматривалась в острые точки черных глаз, в косую линию плавного очерченного широкого клюва, в пульсирующий под клювом зобик.

Страж не шевелился, страж смотрел на нее, и от него пахло воздухом и ветром и теплом жизни.

В это время я увидел в ней человека, самое главное его свойство — идти на помощь, умение спасти, умение жертвовать собой ради другой жизни, самое высокое умение человека, ради которого можно все на свете вынести, зная, что человек, обладающий этим свойством, не погибнет сам в своем великом множестве и не даст погибнуть этому прекрасному и бесконечному миру.

Потом мы уселись кружком на белый теплый песок, а чайки вдруг куда-то сразу исчезли, как будто бы их совсем и не было, и стало тихо-тихо, и в этой живой знойной тишине приморского полдня только и слышно было, как спокойно дышит море, накатывая на песок медленную волну. Мы сидели и молчали, слушая единство моря, воздуха и земли.

А стрижи, осмелев, пошевелились в ладошках девочки, и она разжала их, дав ему возможность ущипнуться короткими лапками за кофточку. Потом я увидел, как он стал неуклюже перебираться к ее плечу, поддерживая равновесие взмахами острых длинных крыльев.

Удивительные птицы эти черные береговые стрижи, им ни за что не подняться с плоскости, потому что у них очень длинные крылья, а ножки очень коротки, им не подскочить, чтобы взмахнуть крыльями и опереться ими о воздух, — им обязательно, чтобы полететь, надо упасть на воздух.

Вот наш стрижи и забрался на девочку плечо, и она не мешала ему, и он не боялся ее, словно они давным-давно знали друг друга.

Освоившись на плече, он, пискнув, ринулся вниз и черной молнией мелькнул над кромкой прибора, касаясь крыльями пены, и пропал из глаз.

Девочка посмотрела ему вслед и совсем взрослому сказала:

— Гуляй, милый...

Она сказала это почти как взрослая женщина, и мы удивились этой интонации, ноткам опыта и сожаления.

— Гуляй до осени! — произнес полусшепотом дядя Виль.

— А почему только до осени? — спросил папа-фотограф.

— Да погибнет их при перелете много, — ответил дядя Виль и тут же стал рассказывать о том, как он до войны служил матросом на грузовом корабле, ходившем на линии Гамбург—Бомбей, и как однажды в осеннем Средиземном море на их корабль обрушилась туча перелетных стрижей, они сыпались на корабль как из мешка. Они облепили мачты и антенны, и, не выдержав их тяжести, антенны оборвались. А стрижи продолжали лететь и сыпаться. И наутро все палубы были завалены мертвыми и полуживыми птицами. И команда целый день сметала их в море и драила палубы.

Тень тревоги затуманила солнце набежавшими тучами, и где-то в самой глубине моря начал ворочаться шторм, и на самом горизонте в свинцовой ясности появились белые гребни и повеяло свежестью.

Папа взял свою дочку за руку, и они пошли в поселок. Дядя Виль пошел проверить наши рыбацкие снасти, развешенные на просушку, а я остался здесь, на берегу.

На Балтике трудно угадать погоду. Шторма так и не получилось. И утро следующего дня было спокойным и солнечным. И мы, вернувшись из рейса, сдали свой улов и, как всегда, прибрали «Ласточку» и уселись за свой обед.

И к обеду пришли наши гости. Но девочка, как мне показалось, была печальной и мало-разговорчивой. А когда после обеда мы пошли вдвоем по берегу и увидели в тихой заводи великое множество рыбьей молодежи, меня как осенило, я вдруг понял причину ее невеселости, и рассказал ей о том, что стрижи вовсе не погибают в море.

— И тогда не погибли? — спросила она. — Но ведь дядя Виль сам их смел с корабля в море.

— Ну и что же, — ответил я. — Дядя Виль не знает о том, что море этих стрижей превращает в маленьких рыбок. Эти рыбки из моря уходят в реки и превращаются в самых красивых и в самых быстрых рыб, с золотыми крапинками по бокам. Эту рыб называют форелями. И они плывут все дальше по рекам против течения, перескакивая через камни и пороги. Они забираются далеко-далеко, к самому тому месту, где эти реки начинаются, а когда всходит луна, они затевают игру в холодной ледниковой воде, они танцуют в лунном свете, выскакивая из воды, и плавники у них начинают отстрять и превращаться в крылья, и сами они снова становятся стрижами.

— Такими, как мой! — говорит девочка, и глаза ее начинают блестеть светом добра и вечности.

— Такими, — киваю я и сам начинаю в это верить.

Но люди, наверное, на земле только тем и заняты, что кто-то от кого-то уезжает.

И они уехали, наши гости, в свой город за Полярным кругом, где нет своих птиц.

И ее отец все-таки прислал нам фотографии. Портрет его дочки мы повесили в рулевой рубке. И она всегда ходит с нами в море. Вот и сейчас она стоит передо мной, закинув голову и сердито сведя брови, смотрит в небо и что-то кричит чайкам, прижимая черного берегового стрижа к груди.

А перед ней море.

Маленькая девочка и большое море.

УМЕЮТ ЛИ ДУМАТЬ ПТИЦЫ

Понимают ли попугаи, что говорят? Принято считать, что нет, и все же...

В 1918 году в Петрограде у одного профессора жил говорящий попугай. Дело было зимой, и в большой квартире отапливались только две комнаты. И вот как-то ночью хозяйка услышала истонный крик попугая: «Чужой! Чужой!»

Вставать не хотелось. Надо было идти по холодному коридору. Но попугай кричал так тревожно и пронзительно, что в конце концов женщина все же пошла посмотреть, что случилось.

Оказалось, на попугая напали крысы. Попугай был сильно испуган, и спасти его уже не удалось. Конечно, таких слов, как «помогите», «спасите», «убивают», он не знал, но из всего своего запаса попугай выбрал самое подходящее слово «чужой». Создает впечатление, что в момент смертельной опасности попугай звал человека на помощь.

А вот что произошло в моем «зоопарке». Я был на работе. Неожиданно меня вызывает к телефону соседка: «У вас в комнате настоящий

тарарам. Попугай кричат, обезьяна стучит дверью клетки. Несомненно что-то случилось». Бегу домой. В коридоре, пока достаю ключ, слышу, действительно, истошные крики: «Пошел к себе, домой, домой». Захожу и вижу, что желтоголовый амазон Нора расхаживает по роляю. Из пятидцати живущих у меня попугаев гулять без меня по комнате разрешалось только даум — амазону Лоре и розовому какаду Коке. Они никогда никого не задирали, на чужие клетки не садились и строго придерживались «своей» территории.

Лора подружилась с желтоголовым амазоном И, видимо, в знак расположения поднял наружный штырь, заприавший его клетку, и выпустил своего приятеля на волю. Обитатели «зоопарка» привыкли, что двое попугаев живут вольно, но когда на свободе оказался третий, немедленно начался дым коромыслом. И самое удивительное, что птицы кричали как раз то, что подходило к случаю — «пошел к себе домой».

В Ташкенте у доктора Бориса Александровича Симанова живет около четырехсот птиц, и среди них есть го-

ворящие попугаи ары. Киногруппа Сергея Образцова, снимая фильм «Кому он нужен, этот Васяка», решила записать разговор попугаев.

Доктор вошел в вольер, где живут ары, с микрофоном и стал вызывать птиц на разговор. Но обычно болтливые птицы упорно молчали. Хозяин не заметил, как запутался в длинном шнуре от микрофона и обнаружил это, когда его ного оказалась прочно заарканенной. И вот здесь ара хихикнул и насмешливо сказал: «Ага, га что, запутался?» Удивительно, что раньше попугай этого никогда не говорил. Был и другой интересный случай с этим же арой.

Сын Бориса Александровича пришел в дом к родителям с молодой женой. Попугай долго присматривался к незнакомой женщине и вдруг мрачно сказал: «А ты кто такая?» Вот и судите, случайность это или что-то другое. Даже такой замечательный специалист, как Джеральд Даррелл, на вопрос: понимают ли птицы то, что говорят, заявляет: «Боюсь что-нибудь утверждать», и в качестве иллюстрации приводит эпизод, когда попугай, внимательно послушав крик осла, привязанного к ограде, спросил: «Что с тобой, милый!»

В Париже, у адвоката Рауля Урса живут два попугая — неоднократные победители международных соревнований говорящих птиц — можно сказать, чемпионы мира по разговору — синелобый амазон Ито и серый попугай жако из Габона — Жакот. Эти уникальные птицы знают до пятисот слов. За пять лет хозяин потратил на их обучение более четырех тысяч часов. Конечно, здесь не только мастерство учителя, но и редкая удача в подборе птиц. Ито и Жакот исполняют шестьдесят скетчей, разные диалоги, насистывают арии, песни, имитируют смех, кашель, лай, звон стаканов, ржанье, мяуканье.

Поразительно, как птицы понимают своего хозяина, к которому они очень привязаны. Например, адвокат обращается к серому попугаю: «Жакот, скажи Ито, чтобы он изобразил кошку». Серый попугай, поворачиваясь к амазону: «Изобрази кошку». Амазон: «Мяу». Но самое удивительное заключается в следующем: Урси пишет на грифельной доске: 2+3. Попугай смотрит и отвечает — пять, 4+4 — восемь и так далее. Может быть, это какой-то траек сверхтонкой дрессировки? Неужели воспитание очень талантливого дрессировщиком попугая способно научиться начальному счету? Конечно, когда-нибудь наука ответит на эти вопросы, а пока нам остается только удивляться и строить предположения и догадки.

А. Батуев

Рисунки Г. Ясинского

Рокировки: короткая — 0—0, длинная — 0—0—0.

Превращение пешки в ферзя — h7—h8Ф (или h8Ф).

Ход белых и ответ черных пишется под одним номером — 1.e2—e4 e7—e5 (или 1.e4 e5).

— Вот и прекрасно! — сказал Ферзьбери. — Всем рыцарям и оруженосцам я приказываю записывать ходы точно так же!

ИДЕТ ТУРНИР!

Сегодня — третий тур. Каждый рыцарь сможет завоевать еще 10 очков, приближающих его к финалу.

Вот что ожидает шахматистов —

А. Белье: Крb4, Фh8, Лb7, Ле8, Сb5; черные: Крe6, пc7. Мат в 2 хода.

Б. Белье: Крe1, Ла8, пa7; черные: Крa1, Сh7, ппc2, g6. Мат в 3 хода.

Шахматов ждут две кондовки Н. Торопова (Кува) —

А. Белье: a3, b2, c1, d6, e1, e5, f2, h6; черные: a5, a7, b6, d8, f8, g7, h2. Выигрывает.

Б. Белье: a3, b2, c1, f2, g1, h4; черные: a7, c5, d2, d4, e3, e7, h6. Выигрывает.

НОВОСТИ ШАХМАТНОЙ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Таинственные сигналы, принятые из космоса, расшифрованы! Читайте все: «Ход ладьи d2 на d6 пишется как Лd2—d6 (или просто Лd6).

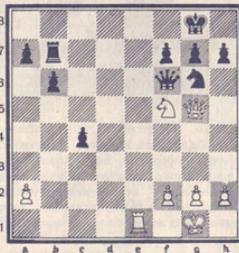
Ход пешки с3 на с4 пишется как с3—с4 (или с4).

Взятие слоном b2 фигуры на f6 пишется — Сb2:f6 (или С:f6).

Шах обозначается знаком + (Фf5+), мат — знаком X (Кс7X).

СЫГРАЙ В СИЛУ ГРОССМЕЙСТЕРА!

Вот как стояли фигуры в партии

знаменитого Алехина с мастером Фримэнном. У Алехина на две пешки меньше, зато силы его в атаке: ладья заняла открытую линию, ведущую в тыл противника, а ферзь и конь опасно приблизились к вражескому королю. Момент для решающего штурма наступил! Алехин делает четыре сильнейших хода — и черным мат.

Рыцарь! Сыграй и ты в силу гроссмейстера!

В КАФЕ „ПРОХОДНАЯ ПЕШКА“

Когда суп из двухходовок с перцем был съеден, рыцарям подали жареные в сметане трехходовки. Все загремели вилками и ножами, только Вася Кутиков глотал слюнки...

— Товарищ шахмат-адмирал... а как это... а как это есть?

— Трехходовку-то? А что там у тебя в тарелке? Ага, задача Юры Селякина из Воронежска — белые: Кр7, Фf4, Ла2, ппс6, e3; черные: Крb5, Кb3. Смотри. Играем 1.Лаb1, чтобы при уходе коня пойти Лb6+ и дать мат. У черных есть три защитных хода: Кр: a6, или Крс5, или Кd4. Однако в любом случае у белых появляется новая возможность дать мат в оставшиеся два хода. А вот запись решения:

1.Лаb1! Теперь, если 1... Кр: a6, то 2.Фb4, если 1... Крс5, то 2.Ла4, если 1... Кd4, то 2.Ф: d4. Третий — матующий — ход можно не писать. Ясно?

— Все ясно, товарищ шахмат-адмирал! — обрадовался Вася и потянулся за вилкой и ножом.

ОРУЖЕНОСЦЫ, ШАГ ВПЕРЕД!

Внимание: боевое задание! Белье: Крf1, Ла8, пa7; черные: Крf7, Ла4.

У белых лишняя пешка, которой всего-то один шаг сделать — и она в ферзя превратится. Но как это осуществить? Или хотя бы заставить черных отдать за пешку ладью?

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 1 решаются так.

Шахматы. А. 1.Лd1! и при любом ответе черным будет мат. Б. 1.c8K! и мат черным обесцечен.

Шаши. А. 1.ab6! 2.b4! 3.b2! 4.d6X. Б. 1.c5! 2.f6! 3.d6! 4.h4 5.f6X.

Заведите «Листок учета» и за каждую верно решенную турнирную задачу запишите туда по пять очков.

ПРИКАЗ № 3

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕК-КОМ, приказываю:

§ 1. Всем рыцарям и оруженосцам прислать рапорты до 1 мая.

§ 2. Рапорты писать на простых почтовых карточках и посылать без конвертов.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

Солнце к тундре прикоснулось,
Разбудило всех подряд!
И на тальнике проснулось
Много белых оленят!
Беденькие, скрюченные,
Холодом замученные!
Налко мне на них смотреть —
Взять бы в дом и отогреть!

Не сердись, мой тальник милый!
Больше я без спросу, силой
Не возьму ни одного
Олененка твоего!
Взял я — левою рукою...
Что мне делать с ней, с такою?!
Все ей хочется погладить,
Все потрогать, подержать!
Ну, никак мне с ней не сладить!
Ну, никак не удержать!

Я ведь сам — пастух олений!
Милый тальник, я не волк!
И любых-любых оленей
Охранять—мой первый долг!

Рисунки Т. Капустиной

8

Только начнем в футбол играть, наш
дворник дядя Петя тут как тут:

—Стекла разобьете!

Стоит на крышу сарая забраться, как сно-
ва дядя Петя:

— А ну слезайте, не то метлой огрею!

И самое обидное, что взрослые всегда
с дядей Петей во всем соглашались.

И вот однажды взял я свой карандаш и ...
я нарисовал дядю Петю с поднятой ногой,
мяч и разбитое стекло, только закончил ри-
суюнок, слышу крики, шум, звон! Выглянул
во двор, а там дядя Петя в футбол играет,
и уже почти все стекла в доме разбиты. А
взрослые стыдят дядю Петю:

— Как вам не стыдно!

— Пожилый человек, а ведете себя будто
маленький!

— Все стекла перебили!

4

Вот подарок так подарок —
Свеж букет, наряжен, ярко!
Замечательный букет,
Да к тому же в нем секрет...

Секрет букета раскрывается, если ты раскра-
сишь букет. Угги, что цветы с шестью ле-
пестками — желтые, с пятью лепестками —
голубые, а остальные — красные.

А дядя Петя, весь красный, бьет да бьет
по мячу. Мне вдруг стало его жалко, взял я
картинку и разорвал на мелкие кусочки. Дя-
дя Петя тотчас забыл про мяч и стал подме-
тать двор, взрослые разошлись как ни в чем
не бывало, а стекла снова оказались целыми.

5

Мне захотелось мороженого.

У киски было полным-полно ребят, стал
я в очередь, ведь все хотят мороженого, не
только я один. И вдруг какой-то дядька, рас-
тапливая малышек, полез первым.

«Взрослый, называется!» — подумал я.

Достал я карандаш, вырвал лист из тетра-
ди и нарисовал толстого дядьку с открытым
ртом, а из рта у него вылетают слова пе-
сенки: «Пусть всегда будет солнце!». Только
кончил я рисовать, дядька от-
крыл рот и запел:

— Пусть всегда будет мама,

Пусть всегда буду я!

Так и пел все время эти две
строчки. Собралась толпа.

— Это что же — концерт?

— Да! Да!

— Бесплатный?

— Конечно, бесплатный!

— А фокусы будут показы-
вать?

А толстяк все поет. Да так
весело!

Я выбрался из толпы. Не хо-
телось мне лишать человека ра-
дости — врать картинку. Пусть
поет!

Рисунки А. Орлова

ВОЛШЕБНЫЙ ПРОСТОЙ КАРАНДАШ

Я рисую картинку: синее небо, желтое солнце и зеленую траву. Вдруг сломался синий карандаш, затем желтый, а за ним и зеленый. Остался у меня лишь один простой карандаш. А что можно рисовать таким карандашом? Только ка-ри-ка-ту-ры! Попробую-ка я нарисовать карикатуру на Толю Яновле-ва. Наша учительница Наталья Петровна го-ворит, что Толя любит совать нос в чужие дела, вот я и нарисую его с длинным-пре-длинным носом.

—Та-а-а! Ну, а теперь Лену Фильчикову, она любит подслушивать чужие разговоры, я нарисую ее с большущим ухом, а Колю — он самый маленький в классе — я сделаю таким высоким, что голова будет упираться в по-то-лок.

После обеда я отправился в школу, зашел в класс, и что я там увидел?

Толя Яновлев проткнул своим носом ст-ну, а весь класс вместе с Натальей Петро-вной танет его, словно репку, и вытнуть не мож-ет.

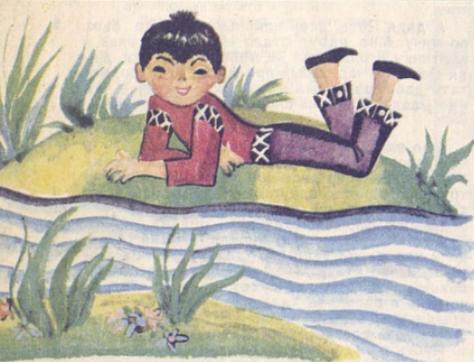

Юно поет о гусях

Снова гуси будут песней
Тундру вольную свою:
„Все гораздо интересней,
Все милей в родном краю!“
Эй-де-де-эй!
Лучше в это раз!

И пускай земля чужая
Будет чудом красоты —
Не бывать ей лучше края,
Где на свет родился ты!
Эй-де-де-эй!
Нет, не бывать!

Потому порой весенней
Снова гуси к нам летят
Тешить песнями олений,
И меня, и всех ребят!
Эй-де-де-эй!
Вот молодцы!

Улуру Адо

ВЕСЕННИЕ ПЕСЕНКИ ЮКО

Перевела с якутского языка
Нонка Слепачова

Юно поет про ручеек

Ты где, пока была зима,
Дремал, — скажи, ручей!
И от какого ты холма
Удрал, — скажи, ручей!

Ручей! Мне скучно одному.
Давай с тобой играть.
Постой, не бойся! Ведь холму
Тебя уж не догнать!

Ленка Фильчикова ревмя ревет, а ухо у нее прегрома-а-адное, больше самой Ленки, а Костя оказался без головы... голова его пробила потолок, и теперь она на чердаке. Что тут делать? Я догадался: конечно, это мои картинки виноваты! Я сразу побежал до-мой, порвал картинки и стремглав обратно в школу, и что б вы думали: Толя, Лена и Костя как ни в чем не бывало сидят за своими партами! И потолок оказался целым, и стена, а На-талья Петровна по-смотрела на меня сер-дито и сказала:

— Ты почему на уроки опаздываешь?

ПРОДОЛЖАЕМ РАЗГОВОР О ГТО

Первое слово корреспонденту «Костра» Мих. Эстерлису, который познакомит нас с двумя обладателями золотого значка

А золото — лучше

Поставьте их рядом — Рихо и Тийта — и постарайтесь определить: кто лучше прыгает в высоту? Понимаю, что подобный вопрос уместен лишь в том случае, если оба знают толк в данном деле. Что ж, уточняем: Рихо с Тийтом не только заядлые прыгуны, лучшие во второй средней школе, но и, так сказать, прыгуны профессиональные — они регулярно посещают легкоатлетическую секцию Центрального района Таллина в парке Кадриорг.

Итак, стоят они рядом — стройные и светловолосые Рихо и Тийт. Только Рихо почти на голову выше ростом своего лучшего друга. А рост в прыжках что-то значит.

...Весь шестой «б» окружил яму для прыжков. То взрыв смеха, то дружный вздох разочарования. Все с нетерпением ждуть дуэли лидеров. Полчаса назад, когда прыгали в длину, Рихо Уулма приземлился далеко за отметкой 3 метра 80 сантиметров (норматив ГТО). А точнее — дальше отметки на 65 сантиметров. Тийт Клаас

проиграл приятелю 8 сантиметров.

На беговой дорожке 60-метровую дистанцию они преодолели грудь в грудь, и секундомер в руке учителя физкультуры засек 9,1 секунды.

И вот — главный поединок. Рихо легко перелетает через планку, установленную на высоте 1 метр 15 сантиметров, затем одолевает 121 сантиметр, затем... спотыкается после крохотной, четырехсантиметровой прибавки. А у Тийта — метр с четвертью! И тем самым... он берет реванш.

В бассейне и во время подтягивания Тийт оказался намного сильнее и Рихо и всего шестого «б». Вот почему в день торжественной линейки, когда вручали первые значки ГТО, Тийт Клаас, покрасневший от смущения, стоял один-единешек перед строем класса. Только он добился права носить золотой значок. Правда, и Рихо не подкачал, а лишь чуть-чуть уступил другу: ему вместе с Тармо Сумери надели на лачкан пиджака тоже весьма почетный серебряный знак.

Конечно, быть в первой тройке класса (кстати, далеко не

Троброрье КОСТИ ТЕРКИНА (ТКТ)

Эти соревнования доступны ребятам любого возраста, умеющим прыгать на одной ноге. По ТКТ можно разыграть первенство класса, двора, футбольной команды, спортивного кружка, семи, где есть близнецы.

Инвентарь несложен: хоккейный, теннисный или просто детский резиновый мячик — лишь бы умещался в кулаке. Нужна еще ровная площадка или дорожка длиной двадцать—тридцать метров. Дорожку разметьте: через каждый метр проведите линии или установите колышки с цифрами.

Раз это троброрье — соревноваться надо трижды. Участников должно быть не менее трех — ведь на пьедестале почта три ступеньки.

Есть норма!

последнего в делах спортивных) — не так уж и плохо! Увы, Рихо все-таки больше грустил, чем радовался. Конечно, и се-ребро — хорошо, но ведь золото — лучше!

С ветром наперегонки

Словно огромный корабль, стоит над волной галды. Блестящая озаренная огнями школа в поселке Пирита. Не на шутку суровый штормовой ветер. Ка-

жется, вот-вот волны захлестнут школу вместе с величественным школьным стадионом.

В эту непогоду тишина, воцарившаяся в спортивной, могла показаться удивительной. Все пятниклассницы (в Эстонии с 5-го класса мальчики и девочки занимаются физкультурой раздельно) глядели вверх, в угол спортивной, где на крюке закреплена конек каната. Таким канатом наверняка пользовались прадеды многих девочек из 5-го «а» класса — ведь Пирита издавна славилась морскими волками. И в далекие времена искусные лаване по канату являлись доказательством ловкости и спорности. И не зря путь к новому знаку ГТО так же отчасти «спроложен по канату»...

Криста Урб с поистине кошачьей спортивной устремленностью, миглом оставила позади трехполосныйметровый рубеж норматива ГТО и спустя мгновение очутилась у самого потолка — на пятиметровой высоте. Все ее подруги по классу восхищенно зааплодировали. В тот вечер я узнал, что Криста живет рядом со знаменитым мотогонщиком в поселке Клоостримета («Хотела, так хотела стать гошницей, но девочкам в мотогонку почему-то не берут»), что быстро утешилась плаванием и легкой атлетикой. Плаванец в лучшем таллинском 50-метровом бассейне, а быстрый бег осваивает под руководством опытного тренера.

— Но что все-таки для тебя главное?

Немного подумав, Криста ответила:

— Больше всего люблю бегать. Иногда, когда несусь по газовой дорожке стадиона «Динамо», кажется, будто спорю в быстроте с ветром. Это так приятно — уметь быстро мчаться!

Однако не подумайте, что Криста — очень уж разговорчивый собеседник. Загляните на минуту при упоминании о беге и, как бы убоившись показаться несерьезной, стала отвечать односложно. Зато девочку поразказали о спорту, что она ведь и тренер! Вместе со своей школой пятый «а» готовился к осеннему легкоатлетическому кроссу по нормативам ГТО. Бежать предстояло в лесу. И один лишь пятниклассник изложил трудного экзамена сумел дважды проверить себя на трассе кросса. Привела их туда Криста Урб, прихватив-

5-й таллинский школьницам следуют нормы ГТО

МАРТ ПОДВЕЛ

Музыка
А. Журбина

Текст
А. Лосева

Мы успели до сих пор мы — слишком сильный был мороз, но садим, конечно, норм-мы, проведем, конечно, кросс, лыжный кросс, лыжный кросс, проведем кросс, кросс.

Нынче солнце, снег блестящий. В воскресенье будет старт. Очень даже подходящий, очень лыжный месяц март! Месяц март — скоро старт! Скоро старт! Скоро старт, старт, старт!

Расулка
Ю. Кальвога

Фото
И. Траллово

Сколько прыжков — столько очков. Эти очки надо вынести из тех, что набраны в беге. Поэтому, чем длиннее прыжки — тем лучше.

Составные третья — на одну — Микс. Вместо шапки — в самый шар. Коля ложится на траву или подстилку животом, вниз. Толя слегка приподнимает ноги Коле. Коля отжимается. Она следит, чтобы руки Коля выпрямлялись полностью, и ведет счет. За каждое отжимание — очко. Привыкает эти очки к ранее набранным — вот и окончательная сумма ТРОЕБОРЬЯ.

Конечно, будет веселее и интереснее, если вместе с Колей проверят свои силы Маша, Саша и Даша, Ваня и Феня.

А кто наберет больше всех очков, пусть напишет Косте Теркину и сообщит свою сумму тробеоря, возраст и адрес.

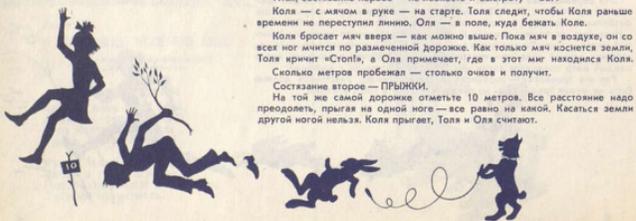
ния для тренировок к сдаче норм ГТО?» — спрашивает Андрей Теркин из г. Новокузнецка.

Дорогой Андрей! Специальной тробеорье Костя Теркин очень поможет тебе при подготовке и сдаче норм.

Маша Полоскина из Белгородской области спрашивает, когда лучше проводить лыжный кросс.

Для лыжных соревнований лучше всего выбрать безветренный день, при температуре воздуха не выше нуля и не ниже 10 градусов. Однако не следует слишком откладывать кроссы. Иначе физкультурникам не останется ничего иного, как спеть следующую грустную песенку.

Я работал всю субботу, подбрав чуд-муд-муд. Утром вышел из ворота... Всюду лужи, всюду грязь! Всюду грязь, снега нет, льется дождь, дождь, дождь! Март подводит нас безостановочно: теплый дождик каждый день! Не осилим мы, как видно, даже первую ступень ГТО, ГТО, ГТО, Г-Т-О!

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НЕПРИГОДНОСТЬ

Однажды к Бернарду Шоу пришел неудавшийся баскетболист и попросил помочь ему сделаться писателем. Шоу молча прочел его рукопись и сказал:

— Теперь я понимаю, почему из вас не вышла баскетболист.
— Почему?
— Потому что вы не можете бросать в корзину, — ответил писатель.

ЛАКОНИЗМ

Однажды спросили знаменитого спартаца Симо니다:

— Сделал ли ты в жизни что-нибудь такое, о чем впоследствии пришлось сожалеть?

— Да, мне часто приходится раскаиваться.

— В чем?

— В том, что я иногда говорю. Но до сих пор я ни разу не раскаивался в том, что молчал.

Рисунки М. Беломлиńskiego

ПОЗДНО СПОХВАТИЛСЯ

Беседа с композитором Рихардом Вагнером, его французский коллега Даниэль Обер признался:

— У меня нет никаких музыкальных способностей. Чтобы осознать это, потребовалось почти тридцать лет!

— И вы перестали сочинять? — спросил Вагнер.

— Нет! Ведь к тому времени я был уже знаменит.

СОДЕРЖАНИЕ

Будни ледового дрейфа страницы из дневника писателя Л. Семенова-Спаского рисунки А. Аземши	1	Наука и радость дружить рассказывает В. И. Галанова	26	С фотоаппаратом под землей очерк В. Танасийчука фото автора	50
Пурга над «Карточным домиком» приключенческая повесть И. Ефимова рисунки В. Топкова	6	Павел Макаров документальная повесть Г. Черкашина рисунки А. Слепкова	28 35	Девочка и море рассказ М. Дудина рисунк Т. Оболенской	54
Нарушители спокойствия очерк Вл. Арно фото И. Колтуна	16	Экспедиция «Вокруг света»	35	Умеют ли думать птицы заметки натуралиста А. Батуева	57
Рисуют узбекские ребята	19	Морская газета	36	Арчебек шахматы и шашки	58
«Кораблик» у нас в гостях	21	Память о поэте очерк С. Георгиевского	38	Уголёк журнал для малышей	60
Барабан — журнал юнкоров	22	Библиотека КОСТЯ ТЕРКНЯ	39	Спорт	61
		Добрая дорога повесть-блязь М. Паюхиной рисунки А. Сколзузова	40		

ЧТО СЫГРАЛ Я В ДРАМКРУЖКЕ

Василий Фетисов

Затащил меня дружок
в драматический кружок.

— Вы котов играть хотите? —
говорит руководитель.
— Что же, можно и котов... Я готов
— И я готов!

Стал котом он в сапогах,
носит шпоры на ногах.

Мне же дали в драмкружке
роль без слов — кота в мешке.

Друг мой к замку подъезжает,
про меня поет стишок,
и в мешок меня сажает,
на плечо берет мешок.

Кто-то другу тут сказал:
— Котофей, взгляни-ка в зал!

Глянул он — и замер весь:
оказалось — мама здесь!

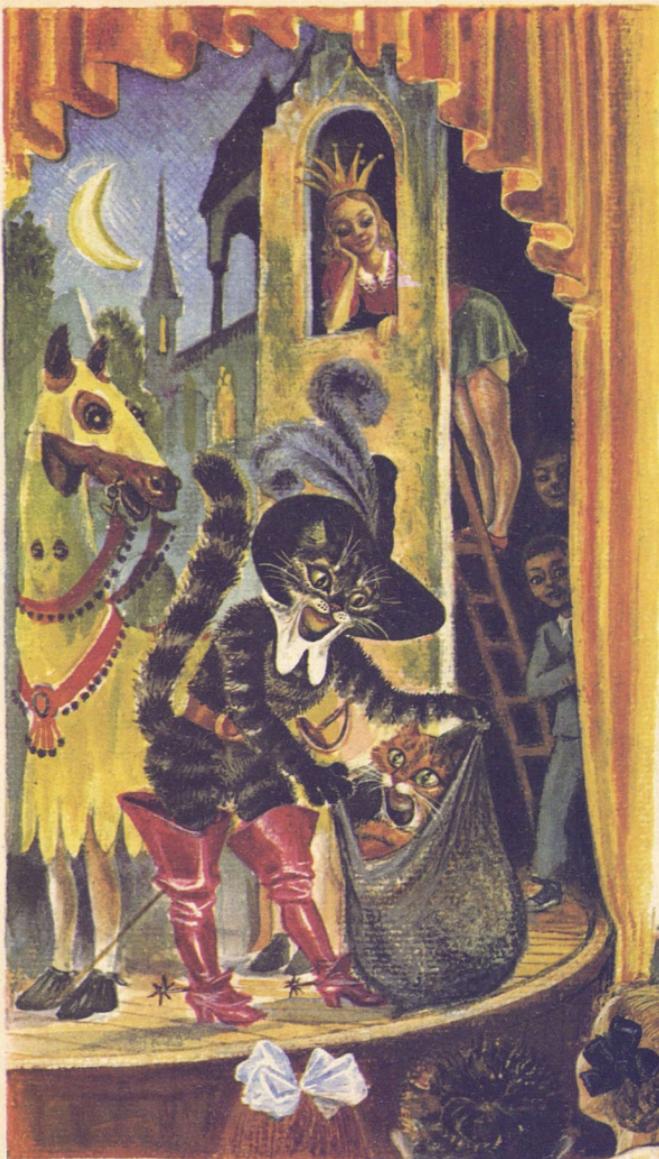
От волнения
мой дружок
уронил с плеча мешок.

И тогда что было сил
я в мешке заголосил.

А дружок —
с испугу, что ль?! —
заиграл другую роль.

Вдоволь в этом драмкружке
я наплакался в мешке.

Рисунок П. Швеца

Главный редактор С. В. Сахаров

Редакционная коллегия: Т. В. Захарова, Л. С. Кокорина, А. И. Пантелеев, Л. Н. Пожидаева, Р. П. Погодин, Е. В. Серова, Н. И. Сладков, Н. В. Терехинская (отв. секретарь), В. В. Горюныгин, И. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркая (зам. редактора)

Художник-редактор М. С. Беложилинский

Технический редактор В. И. Мецатунова

Корректор В. А. Мавская

Адрес редакции: 193015, Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон 14-57-76. Рукописи и фотографии не возвращаются

М-28006. Сдано в набор 6/ХІІ 1973 г. Подписано к печати 25/І-1974 г. Формат 60х90/4. Печ. л. 8+обл. 8,8 уч.-изд. л. Тираж 550000 экз. Заказ № 1828. Цена 25 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, 197101, Ленинград, П-101, Кронверкская ул., 7.